

СТЕПАН КУЛИК

ЛЕДЯНАЯ
СИНЕВА

Степан Кулик
Ледяная синева
Серия «Боевая фантастика (АСТ)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65086301
С. Кулик. Ледяная синева:*

Аннотация

2140 год. Сегодня еще мирное небо над головами и кажется – так будет всегда. Но из глубин Космоса уже надвигаются чужие. Эннэми. Враги. Вот только прежде чем вступить в бой с врагами, Тихону фон Видену еще предстоит проделать путь от курсанта Высшего Императорского училища звездного десанта до офицала отдельной группы Осназа. А также понять, кем был его отец и что с ним случилось на самом деле, если официальная похоронка всего лишь прикрытие.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Цугцванг	8
Глава первая	8
Глава вторая	30
Глава третья	53
Глава четвертая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Степан Кулик

Ледяная синева

© Степан Кулик

* * *

*Мы для нее как детвора,
что средь двора друг друга валит
и всяк свои игрушки хвалит...
Какая глупая игра!*

Булат Окуджава

Пролог

Тучи нависали над самым горизонтом, грозя в любую секунду низвергнуть на планету потоки дождя или мокрого снега. Они шли так низко, что казалось – достаточно встать на цыпочки и можно дотянуться рукой. Нет, на самом деле такое безумие никому и в голову бы не пришло. Здешние небеса фамиллярность не поощряют. Тихону приходилось видеть, как удар молнии на Дельте – менее воинственной, но такой же недружелюбной к людям, превратил броневик с отказавшим защитным полем в сплавленную грудку металлолома.

Ослепительно-яркий, словно отколовшийся кусочек так и не показавшегося за все утро здешнего солнца (β -Тарантула, звезда II класса), сгусток плазмы с шипением и треском ударил в базальтовую скалу метрах в двух левее и выше. Каменная глыба вздрогнула и как шрапнелью окатила десантников фонтаном горячей щебенки. К счастью, в отличие от настоящей шрапнели, оплавленные камешки не имели режущей кромки и не представляли опасности ни для гермошлемов, ни для ткани скафандров, даже с отключенным защитным полем. Максимум – у парней прибавилась бы пара-тройка новых синяков. Но о таких мелочах даже упоминать неудобно.

– Командир, – автоматическая подстройка голоса в ди-

намиках нивелировала громкость и эмоции до стандартного тембра, поэтому только некоторая торопливость речи вызывала волнение старшины «Шмеля». – Похоже, по нам киберстрелок работает. В вилку берет. Пристреливается... Сейчас левее шархнет.

К мнению старшины стоило прислушаться. Шмелев единственный во взводе Тихона фон Видена, позывной «Грей», имел опыт боевого десантирования. А за штурм базы эннэми в системе КЦ-649 даже награжден медалью «За боевые заслуги».

Согласно давно и подробно отработанным методам проведения разведки боем, барражирующая на орбите эскадра нарыла интересующую область конусом помех во всех диапазонах частот. Тем самым если не ослепив активную оборону эннэми, то сделав ее весьма «криворукой» и «косоглазой». Поэтому, когда датчики защитных периметров засекали передвижения разведчиков и поднимали тревогу, средства поражения, большей частью автоматические плазменные пушки, никогда не попадали в цель с первого залпа. Требовалась дополнительная наводка. А это несколько лишних секунд для маневра...

Пульнув первым зарядом в белый свет как в копеечку, кибернетические наводчики начинали вычислять погрешность методом пошаговой пристрелки к местности, в солдатском обиходе именуемой «перелет-недолет».

В общем, прав был старшина, еще как минимум пять се-

кунд, до очередного промаха, на обстрел можно не обращать внимания, давая своим приборам, тоже слегка «окосевшим», дополнительное время для сканирования периметра базы. Но сердце лейтенанта вдруг болезненно сжалось, пропустило удар, а потом зачастило, нагоняя упущенное время.

– Защиту на максимум! Дистанция десять метров! Вперед!

Доверяя предчувствию и не теряя ни секунды на осмысление столь неожиданно возникшей тревоги, Грей одним прыжком вымахнул из небольшой вымоины, на ходу переводя защиту скафандра в активный режим.

Блок питания защитного поля боевого скафандра рассчитан на четыре часа предельной нагрузки. В этом режиме можно спокойно прыгать в жерло вулкана. И четыре часа – срок вполне достаточный, чтобы выбраться из любой передраги или дожждаться спасателей. Теоретически... Но, как показывала практика, четырнадцать тысяч четыреста секунд в иных ситуациях пролетают гораздо быстрее, чем хотелось бы. Поэтому, нарушая инструкции, опытные бойцы, да и салагы тоже, никогда не держат защиту на пределе. Экономя энергию. На тот самый, непредвиденный случай, когда всего лишь одна киловатт-минута может отделять жизнь от смерти.

А через секунду за спиной полыхнуло, словно там разверзлись врата ада или... родилась сверхновая.

Часть первая. Цугцванг

Глава первая

Космопорты Ливадии всегда поражали тишиной и налетом провинциальности даже путешественников, прибывающих из весьма отдаленных уголков Империи, иной раз не отмеченных на звездных атласах как обитаемые миры. А сегодня особенно.

Впрочем, ничего удивительного.

Во-первых – Ливадия, четвертая планета в системе Ирия, большей частью была всего лишь таможенным форпостом, где следовало пройти досмотр, получить разрешение на въезд, а заодно подготовиться к появлению в приличном обществе. Для этого в отелях, рядом с космопортом, кругло-суточно работали косметические салоны, парикмахерские, сауны и всевозможные магазины, где можно было приодеться с ног до головы по последней моде. Потому что вальж-но плывущий по ее небу и отлично видимый в любое время суток зелено-голубой шарик третьей планеты системы Ирия – был Эдемом. Святая святых, мечтой каждого гражданина, столицей и сердцем Империи Тысячи Солнц.

Во-вторых – в дни больших праздников поток пассажиров стихал сам собой. Все, кто мог позволить себе не рабо-

тать, готовились к торжеству заранее. Чтобы сполна насладиться не столь уж частым в последние годы узаконенным бездельем.

А начавшиеся позавчера торжества были одними из самых больших, не считая дня рождения Императора и Нового года... Ровно сто лет со дня старта первой Внеземной экспедиции «Терра Нова».

К празднествам готовились с размахом и помпой, на время отменив именной указ Е.И.В. о повсеместной и строгой экономии. Буквально все, кто имел к этому отношение – оформители, устроители балов, пиротехники, артисты, сценаристы и режиссеры... проще говоря, все деятели шоу-бизнеса и даже обычные балаганные шуты – обещали удивить и потрясти.

Тихон ни за что не отправился бы в дорогу в такой день, но хитрецы перевозчики, понимая, что могут остаться на неделю без клиентов, снизили цены на билеты в выходные почти на треть. Вроде как бы предоставляя возможность и малоимущим слоям населения сняться с насиженных мест, дабы хоть раз в году ощутить себя гражданами Великой Космической Империи. Свободными людьми, а не рабами, приговоренными к пожизненному прозябанию на одной планете... Поэтому после долгих внутренних монологов и колебаний возможность существенно сэкономить взяла верх над желанием напоследок хорошенько оттянуться вместе со школьными друзьями.

Хотя, если быть предельно честным (а зачем лукавить перед самим собой?), самую тяжелую гирьку на весы бросила ссора с Лерой...

После того, как девушка узнала о намерении Тихона отправиться в Эдем, для поступления в военное училище, отношения между ними стали весьма прохладными. Ничего не говоря прямо, она все чаще бывала слишком занята по вечерам с младшими братишками... То чувствовала себя неважно. То находились какие-то совершенно непредвиденные, но до крайности важные дела.

Последней каплей стала эсэмэска, сообщающая, что Лера пошла проведать заболевшую подругу. Ту самую, с которой Тихон как раз в этот момент разговаривал о подготовке к выпускному балу. И тогда парень понял, что в родном городе его больше ничто не удерживает.

Взбрыкнул, конечно. Он ведь так и не объяснил Лере настоящую причину столь внезапного решения избрать карьеру военного. Вот она и подумала, что Тихон ухватился за единственную реальную возможность выбраться из провинциальной глуши. И ради этого пожертвовал даже любимой. А с другой стороны, значит, не очень-то оно ей было надо, его объяснение, если дольше чем за месяц у девушки не нашлось времени для откровенного разговора. Ну и черт с ней... Как говорят воздухоплаватели: «Меньше балласта – лучше подъемность».

Он же не виноват, что разрекламированный перед завер-

шением учебного года набор в космодесантные войска совпал с совершенно неожиданно полученным известием об отце. И пусть призрачный, но все-таки шанс найти его мог бы только у старинного друга их семьи – полковника Мирского, служившего сейчас в столице. Но о таком деле не попросишь по скайпу и тем более не отправишь на «мыло». А перелет только ради встречи с ним был семье фон Виден не по карману, даже с праздничной скидкой. Зато абитуриентам, прошедшим первичное тестирование в военных комиссариатах по месту проживания, полагался один билет с открытой датой. Уверен в себе – лети за казенный счет. Сомневаешься – береги до возвращения... Хоть какое-то утешение.

Правда, говорят, что за последние два года, с первого столкновения с эннэми, обратно домой никого не отправляли.

Тихон тест прошел... Возможно, помогло то, что он, прежде чем переться в столицу, все же связался с дядей Женеи. Благо повод был самый настоящий – как оказалось, полковник Мирский командовал тем самым Высшим Императорским училищем звездного десанта, куда он хотел поступать. А, возможно, Космофлот Империи действительно отчаянно нуждался в притоке добровольцев. Впрочем, даже при равных условиях набора, городской военкомат не мог выдать отрицательную характеристику серебряному призеру межконтинентального чемпионата Земляники по рукопашному бою среди юниоров...

Тихон путешествовал налегке, поэтому досмотр прошел быстро. Мельком взглянув на монитор от сканирующей рамки, молодой таможенник, едва на пару лет старше Тихона, но уже с петлицами лейтенанта, приветливо кивнул и, сделав заговорщицкое лицо, негромко произнес:

– Не возьмут в десантуру, не тушуйся. Подавай документы в таможенную службу. К нам прием на неделю позже заканчивается. Как раз успеешь.

– Спасибо, – машинально поблагодарил его Тихон. Сперва удивился, а потом понял: парень его возраста, из провинции, без багажа, явно не из богатой семьи, может быть только абитуриентом. Кивнул таможеннику еще раз и вышел в общий зал космопорта. Где первым делом огляделся в поисках терминала связи.

Видимо, чтобы никто, даже случайно, не забыл о празднике, мониторы в залах ожидания космопорта демонстрировали видеозапись доклада профессора Преображенского «Веки космического пути». Сделанного им двадцатого апреля две тысячи сто сорокового года, то есть три дня тому назад, на открытии нового здания музея Космофлота.

«...2019 год вошел в историю человечества успешным проведением General Electric заключительных испытаний, подтверждающих абсолютную безопасность использования реакторов “холодного” ядерного синтеза (ХЯС). Что окончательно разрешило все вопросы энергетического обеспечения производства и быта.

2020-й важен переводом производственных мощностей завода аккумуляторных батарей Powerwal-10 и Powerpack-100, изготавливаемых в Неваде с 2018 года по технологии Илона Маска, на его же новейшую разработку — Powerstation-1M. Новые аккумуляторы компании Tesla, практически сохраняя прежний вес и размер, имели энергоёмкость до 1МВт-часов...»

Тихон недоуменно пожал плечами. Ничего нового профессор не рассказывал. Все это можно прочесть в предисловии к учебнику общеобразовательной школы по истории Космической Эры. Он до сих пор наизусть помнил большую часть его содержания.

Желая проверить собственную память, Тихон закрыл глаза и вызвал в воображении страницу из учебника.

«В 2022 году стартовала программа японской корпорации Toyota Motor Corporation и южнокорейской Hyundai Motor Company по разработке реакторов ХЯС малой мощности, пригодных для машиностроительной индустрии, как источников питания автомобильных электродвигателей. С использованием стандартных топливных элементов производства General Electric, разработанных для мобильных электростанций мощностью от 25 до 100 КВт.

Программа успешно завершена в марте 2023 года. Всего на месяц опередив подобную партнерскую разработку немецкого Volkswagen Konzern и американской корпорации General Motors.

Как и следовало ожидать, азиатские ученые пошли путем миниатюризации силового агрегата, а практичные немцы и американцы – интересовались мощностью и КПД двигателя.

В результате первые промышленные образцы автомобильных энергоблоков ХЯС японских и корейских изобретателей TH-3 (без топливного элемента и защитного кожуха) весили чуть больше пуда, а размерами не превышали толстый альбом. TH-3, снаряженный топливным элементом GE-0,1, вырабатывал энергии достаточно для передвижения легкового электромобиля Tesla Model S на расстояние до 15 000 км или на два месяца непрерывной работы электродвигателя на холостых оборотах.

Совместная немецкая и американская разработка – VG + оказалась гораздо крупнее и мощнее. Их энергетический агрегат весил почти 50 кг и имел размеры бытовой микроволновой печи. Зато, снаряженная тем же унифицированным GE-01, установка производила энергии достаточно для 12-тонного Renault Maxity Electric для преодоления тех же 15 000 км.

Таким образом, оба агрегата, даже с учетом повышенной себестоимости первого потока, оказались на порядок экономичнее, автомобилей, оснащенных электродвигателями с аккумуляторным питанием. Не говоря уже о технике, укомплектованной комбинированными двигателями или ДВС. Даже без учета налога на охрану внешней среды.

Оставалось решить вопрос с защитой, которой, согласно требованиям Международных норм обеспечения безопасности жизни и труда, необходимо оснастить каждую установку ХЯС, которая может эксплуатироваться в густонаселенных районах. Независимо от мощности. А вес такого защитного кожуха в десятки раз превышал вес самого энергоблока. И если лишняя тонна для грузовика особо не влияла на эксплуатационные качества, то дополнительные 350 кг серьезно усложняли производство легковушек среднего класса и меньше, что не могло не сказаться на цене. Тем самым придержав экспансию реакторов ХЯС в автомобилестроении.

Но прошло всего лишь несколько лет, и уже в 2024 году Элиас Товба, австрийский физик-теоретик, в соавторстве с русским ученым Даниилом Лариным, собирает первую работающую модель генератора антигравитационного поля. Испытания прибора заканчиваются трагедией, приведшей к гибели ученого»¹.

*** * ***

Убедившись, что не зря согласился на дополнительный чип и расширенная память не подводит, Тихон внес оплату за один импульс и стал набирать текст сообщения.

¹ Полный текст доклада см. Примечание 1.

«Здравствуй, мама. Я долетел нормально...»

Импульс вмещал до пятисот знаков, и отправлять пустое письмо было глупо. Тем более, никто не занимал очередь, и можно было не торопиться. Парень задумчиво потер переносицу и добавил еще пару слов:

«...Все хорошо. Обнимаю. Целую».

Получалась полная ерунда. Что за телячьи нежности? Во-первых, не прошло и двух суток, как он вышел из дома. Во-вторых, зачем маме его поцелуи? Она вечно спрашивает только об одном, «когда он поел и как себя чувствует?» Тихон стер последние слова, поднатужился и настроил:

«Я здоров. Поел. Как только устроюсь в училище – свяжусь по видео».

Да что ж такое... Полный бред. Зачем посылать сообщение гиперпространственной связью на расстояние в сотни световых лет о том, что и так уже было обговорено не один десяток раз. При этом еще и врать. Поесть он только собирается.

Злясь на себя, что не может написать матери нормальное письмо, Тихон стер весь текст и написал заново максимально кратко.

«Привет, мама. Пишу с космопорта Ливадии. Я здоров. Таможню прошел. Жду челнок на Эдем. Не волнуйся. Все хорошо. Тишка...»

Понимая, что и на этот раз у него получился не шедевр эпистолярного жанра, но начинать в третий раз было выше

его сил, парень торопливо закрыл папку и нажал «отправить». Терминал издал мелодичный звон, мигнул и высветил на весь экран какую-то очередную рекламу то ли spa-салона, то ли сауны. Во всяком случае, девчонка там снималась вполне на уровне. Располагая воспользоваться услугами. Если деньжата водятся.

По завершении всех положенных процедур из космопортов Ливадии на Эдем можно было попасть межорбитальным грузопассажирским челноком. Или – для тех, кто может себе обеспечить путешествие с комфортом – через пункт ТФ-перехода.

Так что услугами телепорта пользовались в основном чиновники достаточно высокого уровня, но не дотянувшие до разрешения садиться непосредственно в портах Эдема. Замы министров, помощники сенаторов, толстосумы из первого десятка богачей в провинции, но чьи доходы в общем рейтинге Империи занимали места во второй сотне. А также служивый люд, путешествующий по казенной надобности и за казенный счет. Если казна считала нужным.

Как ни подмывало желание хоть раз испытать ощущение переноса, Тихон всего лишь поглазел на двухцветную кабинку портала (зеленая – вход, желтая – выход) и пошел к каскам межорбитальных катеров. Перелет челноком занимал не больше часа, а билет на борт стоил всего полдублона. То есть почти в десять раз дешевле, чем цена за возможность мгновенно оказаться в столице. И вполне сопоставимо с ценой

ужина в хорошем ресторане.

Второй раз подумав о еде и прислушавшись к урчанию в животе, Тихон решил, что подкрепиться действительно не помешает. На звездолет проносить пищу запрещено, а комплексным обедом, что подают на борту звездолета, можно накормить разве что кошку...

Не из-за экономии... Что мешает перевозчику поднять цену за проезд на стоимость большей порции?.. А чтобы стюардессам потом меньше пришлось возиться с уборкой спальных помещений. Несмотря на все потуги медицины, коварный кинетоз поселился на космических лайнерах с той же непринужденностью, с которой когда-то изводил пассажиров морских судов. Так что последний раз досыта Тихон обедал еще дома. И интерактивный рекламный щит, изображающий бравого космодесантника, смачно уплетающего за обе щеки огромный бутерброд, – особенно бегущая по краю стрелка, указывающая направление и расстояние до ближайшего кафе, – оказался весьма кстати.

«Добро, добро... уговорил, – мысленно ответил парень внутреннему голосу. – Только уточню сперва расписание челноков. Мало ли какие сюрпризы могут внести в расписание на праздничные дни...»

Сюрпризов не оказалось. Рейсовые шаттлы сновали взад-вперед каждые два часа. А кроме большегрузов, свои услуги попутчикам предлагали и частные извозчики. Так что можно было спокойно отобедать, а уже потом воспользоваться

оказией. Опять-таки дешевле, чем через кассу. Так что можно побаловать себя чем-нибудь вкусненьким.

Второй этаж космопорта был превращен строителями в одну огромную смотровую площадку. Сперва Тихон решил, что его накрыли стеклянным куполом. Но, не видя рам и по легкому дрожанию воздуха вдоль периметра, как в зной – сообразил, что все гораздо проще. Для удобства путешественников и защиты от непогоды здание спрятали под силовое поле. Полностью сохранив ощущение открытого пространства. Должно быть, возможность полюбоваться пасторальной красотой Эдема на жителей индустриальных систем производила неизгладимое впечатление. Особенно звездной ночью...

Вот только Тихон вырос в другом мире. И чем-чем, а небом его не удивить. Хоть над полями, хоть над сенокосами... Насмотрелся до оскотины... Иной раз, особенно в жатву – неделями ночевал прямо на поле. Не оставалось сил добраться домой. Мать ужин к комбайнам выносила. И он ел не выходя из будки оператора... не отрываясь от мониторов. Роботы, конечно, умные машины, но не больше. В нештатной ситуации просто остановятся и будут ждать команду. Причем нештатной они могут посчитать зайца, размлевшего в зной и сослепу метнувшегося в жатку.

Если ножом не задело, зайчишка тут же умчится прочь, а комбайн будет стоять до перезагрузки программы. Хоть год...

Архитектор, придумавший дизайн космопорта, не стал заморачиваться отдельной планировкой для ресторана или кафе, а небрежным росчерком расположил по левую руку от входа стойки баров с обслуживанием, справа – приманивал клиентов яркими голограммами целый каскад терминалов автоматических кухонь. От известных всей обжитой Вселенной «Трех толстяков» до самой простенькой, имеющих всего десятка полтора программ, «Чудо-печки». Начало производства которых совсем чуть-чуть опережает первый полет в другую звездную систему.

Как всякий провинциал, Тихон слегка робел в оживленных местах, – хотя, конечно же, никогда бы в этом не признался, – поэтому барные стойки, где чинно обедали десятка два пассажиров и несколько «встречающих-проводящих» компаний, он отклонил с ходу. Да и вообще, он еще только направился в сторону эскалатора, а уже знал, что закажет.

Когда-то давно, в прошлой жизни, которая еще была детством, мама всегда готовила к приезду отца его любимые чебуреки. Премьер-майор Ион фон Виден командовал одной из групп быстрого реагирования в Службе спасения Космофлота. Спасатели несли дежурства в постоянной боевой готовности, три месяца через три, два из которых, вместо отдыха, уходили на карантин, акклиматизацию и тренировки. Базировалась группа отца на орбитальной станции, где-то в районе Альфы Центавра. Точнее он никогда не рассказывал, мрачно отшучиваясь: мол, кто слишком много знает, скоро

состарится... А то и не доживает до преклонных лет.

Четыре года назад мама тоже нажарила дюжины две огромных, хрустящих чебуреков и стала накрывать на стол. Отец никогда и никуда не опаздывал. Но в тот день из приземлившегося на парковке возле дома пинаса вышел незнакомый офицер... Фельдъегерь Третьего отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. Сухо уточнил, кем мама приходится премьер-майору фон Видену, вручил запечатанный конверт, откозырял и торопливо вернулся к катеру. Запрыгнул внутрь и сразу взлетел. Словно убегал от преследования. Хорошо хоть не на форсаже...

Мама провела катер удивленным взглядом, потом распечатала конверт. Внутри была маленькая зеленая флешка и файл с несколькими страницами печатного текста.

– Прочитай, что там, Тихон... – мама протянула файл. – У меня глаза слезятся... от лука, наверно.

Это было весьма странно, потому что лук сегодня резал Тихон. Но у мамы так дрожал голос и руки, что парень ничего не сказал.

Сперва, пока смысл написанного не достиг сознания, он читал внятно и громко... Потом буквы заплясали на листе, стали разбегаться, прятаться друг за дружку, и Тихон, всегда гордившийся фотографической памятью, сумел запомнить только общий смысл написанного.

Во-первых, это было извещение семьи о том, что премьер-майор Ион фон Виден арестован, осужден за наруше-

ние присяги, разжалован в рядовые и приговорен к смертной казни.

Во-вторых, что приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

В-третьих, что такого-то числа сего года приговор приведен в исполнение. Тело преступника кремировано, а его прах, согласно последней воле осужденного, развеян на орбите. Фотокопия собственноручно написанного заявления фон Видена прилагается.

– На какой орбите? Орбите чего? – казалось, маму сейчас беспокоило только то, что канцелярия даже не озаботилась более точно обозначить место «захоронения» отца. – Им что, трудно было дать точные координаты? Куда нам теперь лететь?..

Ответ на этот вопрос имелся на следующей странице. Где семье государственного преступника предписывалось в двадцать четыре часа покинуть занимаемую служебную жилплощадь и поселиться в родовом имении фон Виден, на планете Земляника, системы Медника.

С того дня мама больше никогда не жарила чебуреки.

Углубившись в горькие воспоминания, Тихон совсем потерял связь с реальностью, и когда уселся за стол, совершенно равнодушно взял с тарелки отлично прожаренный и издающий умопомрачительный запах золотистый чебурек.

Позже можно было, конечно, перечитать текст оповещения более внимательно. Особенно после переезда. Но Тихон

с матерью так и не решились прикоснуться к ним во второй раз или открыть файл с фотокопиями. Словно не желая выпустить *это* в их жизнь. Не давая известию обрести черты реальности... И ведь оказались правы. Примерно через две недели на электронную почту Тихона пришло короткое сообщение от неизвестного абонента, с запароленным обратным адресом.

«Посчитай до десяти...»

Выглядело как глупость или шутка, банальный нетовский спам, от которого полностью не получается защититься никакими фильтрами. Но!.. Именно этой фразой всегда отвечал отец, когда Тихон приходил спрашивать совета, как правильно поступить в той или иной ситуации. Неизменно прибавляя: «Если последствия твоего поступка не ведут к необратимым последствиям – попробуй. Не получится, заработаешь опыт и отмотаешь все обратно. Ну, а если переиграть не получится – сто раз подумай, сынок. На то человеку голова и дадена. Не только для ношения гермошлема. И еще запомни – необратима только смерть, все остальное можно исправить. Если сильно захотеть».

А еще через три дня в почтовый ящик Тихона упал типовой рекламный файл из военкоматовской рассылки. С единственным отличием от массовой продукции. На этом баннере бравый зазывала в ряды Космофлота был не в форменном берете, а пилотке официала Спас-флота!

Опустив пластиковую тарелку в утилизатор, Тихон пошел обратно к эскалатору, решив, что с таким настроением, чем быстрее он доберется до дяди Жени, тем лучше. Стало быть, нечего зря время терять. На какое-то мгновение он даже подумал о телепорте, но здравый рассудок успел взять верх над эмоциями...

— Ой! — громкий, возмущенный вскрик прозвучал совсем рядом, привлекая внимание Тихона.

Быстро оглянувшись, он успел увидеть, как какой-то парень, с длинными волосами, одетый в модный в этом сезоне спортивный костюм-хамелеон, произвольно меняющий объем и цвет, выхватил из рук девушки, поднимающейся эскалатором вверх, сумочку и ломанулсЯ вниз по параллельной дорожке.

Расчет вора был достаточно прост. Молодые девушки, да и не одни они, не настолько хладнокровны, чтобы в считанные секунды сообразить, что случилось, и привлечь внимание окружающих. Обычно потерпевшая издает нечленораздельные вопли, возмущенно размахивая руками, и если нет очевидца, случайным прохожим трудно понять, что происходит, и оперативно задержать вора. А те, кто бросается к пострадавшей на помощь, не понимая сути, только мешают ей указать на преступника... Тогда как движущиеся ступени

эскалатора с каждым мгновением увеличивают дистанцию между вором и жертвой. Пара-тройка секунд, парень окажется внизу, завернет за угол, а там... пиши пропало.

Вот только на этот раз хитрецу не повезло. Убегать пришлось мимо Тихона, и тот не упустил шанс. Правда, действовать пришлось быстро, без подготовки. К тому же в правой руке был кейс с собственными вещами, бросать который под ноги не хотелось. Поэтому, решив, что имущество для девушки важнее, чем задержание воришки, Тихон не стал ловить беглеца за одежду, рискуя промахнуться из-за особенностей «хамелеона», а вцепился в сумочку.

Вор по инерции пронесся мимо, дернул добычу за ремешок на себя, но Тихон устоял и сумочку не выпустил. Материал стилизованного под бечевку ремешка нагрузки не выдержал и лопнул.

Обозвав Тихона нелицеприятными для любого парня словами, похититель, понимая, что удача от него отвернулась, бросил на землю обрывок ремешка и припустил прочь со всех ног.

Если б воришка не ругался, Тихон, скорее всего, удовлетворился бы результатом. А теперь он оскорбился уже за себя.

– Ах, ты ж тля...

Прижимая к груди свои и чужие пожитки, он перепрыгнул через несколько ступеней и рванул за вором.

– Стой! Врешь... не уйдешь...

Тихон бегал стометровку за десять секунд и имел все шансы догнать беглеца, если б в ситуацию не вмешались высшие силы в лице полицейского, возникшего перед парнем так неожиданно, словно сидел в засаде. Причем под полом. Тихон едва-едва успел затормозить и избежать столкновения.

– Добрый день, господин хороший... А куда это мы так несемся? Судя по радару, первая космическая. Не меньше. Решили на Эдем без шаттла добраться?

– Вор... – чуть задыхаясь, торопливо ответил Тихон, не отрывая взгляда от удаляющейся спины и машинально пытаясь обойти полицейского.

– Где? – лицо полицейского построжело.

– Да вон же... – Тихон подбородком указал направление, но пока страж порядка оглядывался, вор успел скрыться за углом. – Всё... Ушел... – констатировал парень.

– Угу... – понимающе кивнул полицейский и взял его за локоть. Слишком крепко для совпадения. – А что украли?

– Сумочку у девушки... – Тихон попытался развернуться к эскалатору, но полицейский удержал.

– Спокойнее, молодой человек. Не надо резких движений. Не эпатируйте публику. Сумочку, говорите... Не ту ли самую, что у вас в руках?

– Что?.. – Тихон захлопал глазами. – Ах, да... Именно. Он выхватил ее у девушки и бросился бежать. Мимо меня. Вот я и успел сумочку отобрать, а воришка убежал. Почти

догнал, но все же не успел.

– Не успели, значит... – как бы осуждающе произнес полицейский.

«Так ты же мне и помешал, остолоп...» – чуть не брякнул Тихон, но сдержался. Задевать полицейского себе дороже.

– На документики ваши позволите взглянуть?

Вообще-то проверка документов входит в прямые обязанности стражей правопорядка. Тем более в непосредственной близости от столицы. Но что полицейский, вместо того чтобы как-то посодействовать поимке вора, начнет устанавливать личность Тихона, показалось парню чудовищной несправедливостью. Ну да ничего не поделать, как говорится, *dura lex, sed lex*...

Тихон пожал плечами и наклонил голову.

Полицейский провел рукой над его затылком, вживленным в ладонь сканером, считывая с чипа личности всю открытую для поверхностного контроля информацию. Более глубокое сканирование могло производиться только по постановлению суда. Полное – в исключительных случаях и после вынесения приговора.

– Так-с... Регистрации, как я понимаю, нет...

– Откуда. Я же только что прилетел.

– Понятно... Только прилетели, а уже безобразничаєте.

– Простите, но...

– Господин полицейский! А что это вы себе позволяете? – звонкий девичий голос звучал для Тихона знакомо и не ме-

нее возмущенно, чем в тот миг, когда из ее рук вырывали сумочку.

– Не вмешивайтесь, барышня... – зрелый женский голос напоминал кваканье жабы. – Полиция знает, что делает.

– Это вы не вмешивайтесь, сударыня... Шагайте дальше, а то на шаттл опоздаете... – отбрила прохожую матрону девушка, а в интонациях добавилось едкости. – Итак, господин полицейский, я, кажется, к вам обращаюсь?! Извольте назвать свой номер и отвечать, как полагается.

«Ого, а девчонка, судя по манерам, явно из общества... – подумал Тихон. – Вон какой тон. Или в столицах все такие? Впрочем, что в этом удивительного. Здесь из простонародья наверняка только прислуга. Да и та, если что, хозяину пожалуется. Ну и, конечно же, низшие чины полиции».

Ощущая некое злорадство, Тихон с любопытством посмотрел на полицейского. Конечно же, он не ожидал увидеть, что страж порядка встанет по стойке смирно перед какой-то пигалицей, но все же. Девушка, похоже, тоже ждала чего-то такого.

А вот страж порядка повел себя иначе. Он немного помолчал, а потом спросил:

– Это ваша сумочка, барышня?

– Моя...

– Тогда пройдемте в отделение.

– Зачем?

– Будем оформлять опознание, задержание и изъятие...

– Какое еще «опознание»?! – щечки у девчонки алели, как раскаленная печка. – Какое «изъятие»? И какое, к чертям собачьим, «задержание», если вор убежал, а вы схватили человека, вся вина которого заключается в том, что он пытался мне помочь!

Но вся ее пламенная речь не произвела на полицейского никакого впечатления.

– Барышня, не надо повышать голос в общественном месте. Прошу прощения, но все эти подробности вы можете изложить господину следователю. Так что в ваших же интересах пройти со мной в участок. Быстрее закончим с формальностями, быстрее получите вещи обратно.

О том, что Тихона тоже отпустят быстрее, страж порядка не упомянул. Либо это подразумевалось само собой, либо – не обсуждалось вовсе.

«Ну, здравствуй, столица Тысячи Солнц... – удрученно подумал парень. – Похоже, ты мне совсем не рада, если вот так привечаешь, еще с порога»

Глава вторая

Георг IX выглядел недовольным и хмурым, а устремленный вдаль взгляд государя исполнен мрачного покоя. Так путешественники глядят на надвигающийся шторм или песчаную бурю, когда все возможные предосторожности уже приняты, а уклониться, избежать удара стихии невозможно. И даже великолепная, высеченная из цельного алмаза Большая Императорская звезда, символ незыблемости и величия власти, сегодня казалась потускневшей или запылившейся.

Полковник Мирский не был суеверным человеком, не верил в сны, сглаз и прочую мистику или метафизику, но тем не менее водилась и у него одна верная примета. Не имеющая никакого разумного объяснения, зато на практике подтверждавшая свою состоятельность. С такой регулярностью, что о совпадении и речи идти не могло. Ибо это то запредельное количество, которое переходит в разряд качества.

Полковник держал свой секрет в тайне от всех, боялся – засмеют, и тем не менее твердо знал, что глядя на выражение лица государя, может предугадать характер событий дня грядущего с куда большей достоверностью, чем метеорологи предсказывают погоду.

Хмурится Георг IX – жди проблем. Улыбается – готовься к приятному сюрпризу. Заскучал до зевоты – стало быть, впереди обычный рабочий день, рутина. А потому каждое

утро, едва переступив порог кабинета, полковник первым делом глядел на ростовой портрет императора, ожидая: что государь посулит ему нынче...

Сегодня его величество выглядел хмурым, как никогда прежде.

– Ого... – озадаченно потер подбородок Мирский. – Это ж к чему готовиться? Помнится, когда я последний раз видел подобный взгляд, во время тренировочных полетов столкнулись два пинаса. Погибли инструктор и курсант...

Несмотря на то что полковник наизусть знал расписание на ближайшую неделю (сам же его проверял и утверждал), Мирский на всякий случай вывел на монитор таблицу с графиками занятий, тренировок и учебных тестов.

Как и следовало ожидать – таблица представляла собой девственно чистую сеть, на прошедшие семь дней и грядущие пять. Отображая уходящие в прошлое праздничные дни и начинающиеся завтра короткие каникулы – перед выпускными экзаменами для курсантов старшего потока и вступительными экзаменами для абитуриентов. Так что если сегодня и могло случиться нечто неприятное, то лишь непосредственно с дежурным взводом, поддерживающим порядок в опустевшем здании училища, или самим Мирским.

– М-да, загадка...

Полковник сел в кресло и задумался.

Прошло всего несколько лет со дня трагедии лайнера «Онтарио» – первого огневого контакта с эннэми, – а как все

изменилось. Человечество, с беспечностью бабочек разлетающееся во все стороны необъятного Космоса, разом обожгло крылья и в один миг осознало, что Вселенная не только их дом. И что соседям не нравится, когда люди вторгаются на их территорию без спросу.

Сперва еще теплилась надежда на мирное сосуществование. Что с чужими удастся найти общий язык, взаимопонимание, договориться. Но, увы... Иные на контакт не шли, а любые попытки приблизиться к их зоне интересов воспринимали одинаково враждебно. Встречая парламентаров огнем. На поражение...

Впрочем, в открытом Космосе иначе и не бывает. Это в океане у моряков с тонущего корабля еще остается надежда и шанс на спасение (да и то зависимо от широт, времени года и температуры забортовой воды), а у астронавтов, даже успешных зашелкнув гермошлемы скафандров, после уничтожения звездолета, время жизни измеряется аварийным запасом кислорода. Ровно двенадцать часов. Бесконечных, если сидеть на бережку с удочкой, ожидая поклевки, и невероятно, несправедливо коротких, когда до рези в глазах высматриваешь желтоватый огонек спасательного бота среди мириад ледяных звезд...

А потом эннэми начали медленно, но так же методично и безжалостно, словно проводили дезинсекцию складского помещения, зачищать прилегающие территории. По всей сфере соприкосновения... То ли создавая буферную зону, то ли

демонстрируя силу. База за базой, колония за колонией... Не делая различий между шахтой на номерном спутнике в системе одной из тысяч звезд, даже не имеющих своего названия и – обжитой планетой с более чем сотысячным населением.

Перенаправившее избыток энергии на освоение Космоса и, как следствие, получившее столетия мирной жизни – Человечество вновь оказалось вынужденным вспоминать полузабытые военные навыки. Или, как образно сказал отец нынешнего здравствующего императора: «Пришло время повесить на стену охотничий лук и стряхнуть пыль с боевого арбалета, чтобы в очередной раз утвердить свое право на будущее».

Слово императора, независимо от того, как оно произнесено – в виде прямого приказа или витиеватого, претендующего на афоризм оборота – обладает той силой, что вызывает немедленное поступательное движение во всех слоях общества. Сказано: «Пришло время», значит – пришло... И все колесики, винтики, шестеренки огромного государственного аппарата, где плавно, а где – со скрипом, завертелись в нужном направлении, – переводя стрелку на путях экономики Империи на военные рельсы. Повсеместно перепрофилируя отдельные станки, линии, цеха, а то и все предприятие целиком на выпуск продукции для нужд армии. Начиная от пекарен, швейных мастерских, обувных фабрик и аж до верфей Космофлота включительно.

Так что с материальным обеспечением все было более-менее гладко. Естественно, как и в любом большом хозяйстве не обошлось без казусов, вроде несовпадения калибров оружия и боеприпасов, выпущенных в разных протекторатах, сказалось наследие архаизма разных военных блоков Земли в докосмическую эпоху. Но все это не более чем досадное недоразумение, на фоне самой главной проблемы – отсутствия армии!

Служба космической безопасности и охраны порядка, равно как и ее приземленная тезка – полиция, вполне достойно справлялись с обычными преступниками: хулиганами, ворами, разбойниками, пиратами и прочим асоциальным элементом, не желавшим жить по закону и выбирающим романтику большой дороги. Но все это были разрозненные, единичные эпизоды, для работы по которым вполне хватало группы, состоящей из двух, максимум – трех оперативников. В Космосе, соответственно, в зависимости от расстояния до ближайшей базы СКБОП – одного рейдера или звена катеров.

МЧС и Спас-отряд – тоже имели в своем составе сотни подразделений, обеспеченных квалифицированными кадрами и спецтехникой, способных практически мгновенно реагировать на нештатные ситуации, делая все для спасения людей. Но и их основным врагом была или стихия, или дикая природа. Которая хоть и ударяла иной раз с сокрушительной мощью, но ни торнадо, ни извержения, как равно и всевоз-

можные хищники, не умели планировать многоходовые операции, проводить разведку боем, охваты с флангов, нападать с тыла или применять какие-либо другие военные хитрости.

Поэтому, как тульская снайперская винтовка с усыпляющим зарядом отличается от бронебойного противотанкового ружья (несмотря что оба по праву именуются оружием), так обе эти службы мало походили на регулярную армию.

И только одна структура во всем спектре силовых и прочих специальных служб хоть приблизительно напоминала былые вооруженные силы Земли. Даль-разведка... Поскольку в ее задачу входил поиск чего-то еще неизвестного, но нужного человечеству в бесконечной и далеко не всегда безопасной Неизвестности. Классическое «пойди туда – не знаю куда, найди то – не знаю что».

А поскольку «Не знаю что» могло оказаться «чем угодно», в том числе смертельно опасным – поисковые группы имели самое передовое вооружение, иной раз выпущенное в единичных экземплярах, и комплектовались не спасателями или полицейскими, а настоящими звездными рейнджерами. Готовыми рисковать, убивать и умереть во славу Империи. И обучали их только в Высшем Императорском училище звездного десанта, начальником которого пять лет тому назад по личному указу императора был назначен гвардии полковник Мирский. Хорошо известный всем ветеранам Даль-разведки командир отряда первопроходчиков «Барс», позывной «Добрыня».

– Разрешите, Евгений Константинович? – сегодня адъютант заглянул в кабинет без стука, что делал не так часто. Наверняка дежурный офицер тоже сверялся с какими-то своими приметами, по которым угадывал настроение начальства. И в зависимости от этого варьировал шкалу обращения от свойского имени-отчества до полного титулования, согласно Уставу. – К вам фельдъегерь великого князя с пакетом. Мне не отдает. Говорит, приказано вручить в собственные руки.

Великий князь Даниил, в отличие от венценосного брата, имел не политэкономическое, а военно-историческое образование и в академических кругах военных теоретиков слыл незаурядным стратегом. Так что никого не удивило, когда Георг IX именно его назначил Главнокомандующим объединенными силами Космофлота и планетарных сил Империи. И тем же приказом возвел великого князя в чин генералиссимуса, соответствующий новой должности.

– В собственные, значит, в собственные... – полковник Мирский поднялся из-за стола. – Зови.

Как всякий настоящий историк и археолог, великий князь Даниил с недоверием относился к возможностям хай-тек в правительственной связи, считая что любой хоть электронный, хоть ионный носитель можно вскрыть или подделать, –

поэтому отдавал предпочтение самым архаическим способам коммуникации. До голубиной почты, хвала Вселенной, пока не дошло, но поговорка: «Что написано пером – не вырубить топором», внедрялась главкомом повсеместно.

Молодцеватый порученец лихо откозырял и громко, словно на строевом смотре, доложил:

– Здравия желаю, ваше превосходительство. Старший мичман Левинсон. Фельдъегерская служба. Пакет от Их Императорского Высочества. Разрешите вручить?

– Разрешаю...

Порученец, четко чеканя шаг, словно проверял на прочность стилизованные под дуб плашки металлопластикового паркета, промаршировал от двери и протянул Мирскому небольшой, запечатанный сургучом конверт.

– Разрешите идти или прикажете подождать ответа?

– Ступай, братец. Спасибо.

Старший мичман сделал поворот кругом и, по-прежнему печатая шаг, покинул кабинет. Мирский проводил его задумчивым взглядом и пробормотал негромко, зная, что адъютант услышит:

– Напомни, чтоб не забыл откомандировать в фельдъегерскую службу на недельку зама по строевой. Пусть хоть посмотрит, как должно быть... А то наши орлы, на фоне такого молодца, даже на мокрых кур не вытянут.

– Зато в бою рейнджер троих посыльных стоит... – счел возможным вступить за честь училища адъютант.

– Думаешь? – усомнился Мирский. – А я слышал, что рукопашному бою фельдъегерей великого князя сам Морихэй Уэсиба-младший готовит. И никаких андроидов в спаррингах, только люди.

Адъютант промолчал, что как бы означало согласие.

– Отметь у себя, на осень... Организовать для старших курсов турнир по троеборью и пригласить на него учеников сэнсэя Уэсибы... Тогда и посмотрим – кто чего и сколько стоит. Преподавателей училища тоже внеси в список команды.

– Есть...

– Кстати... Кто из старших офицеров сегодня присутствует?

– Подполковник Штурм и секунд-майор Крапивин. Премьер-майор Истомин третьего дня отбыл в краткосрочный отпуск. Прикажете отозвать?

– Нет... – Мирский жестом остановил излишнее рвение адъютанта. – Пусть отдыхает Максимыч, пока есть возможность. Скоро не до отдыха будет. Пригласи Крапивина и Штурма. И это... Не в службу, а в дружбу. Кофейку организуй нам, и побольше, братец.

Закрыв для себя эту тему, полковник взломал печать и вынул из конверта пластинку тончайшего пластика, с выгравированной лазерным лучом текстом. Заверенный подписью и личной печатью генералиссимуса.

«Господин полковник, ввиду возможности обострения и

дальнейшей эскалации известных обстоятельств, а также вопиющий некомплект в частях командиров младшего и среднего состава, предлагаю Вам в трехдневный срок доложить мне Ваши соображения по следующим вопросам:

1. Возможность расширения набора курсантов в этом году до пятисот человек и больше.
2. Уплотнение графика обучения с целью сокращения полного цикла обучения до двух лет, вместо четырех.
3. Внедрение поэтапного тестирования курсантов в процессе подготовки, с присвоением им воинских званий “сержант”, “мичман” и “лейтенант” по результатам тестирования соответственно. А также заключением о целесообразности дальнейшего обучения.

P.S. Евгений Константинович, считайте это официальным подтверждением Ваших полномочий в реорганизации учебного процесса, начиная с сего дня. Жду конкретных предложений и результатов. Даниил».

Великий князь, хоть и любил архаику, витиеватую манеру прошлого в письмах не употреблял, а придерживался стиля делового и максимально лаконичного. Порой граничащего с оскорбительным... Ну так и не им придумано, что там, где говорят пушки, музы скромно помалкивают. *Inter anna silent Musae...*

– Господин полковник... Вы приказывали. Старшие офицеры...

– Да, да... Пусть заходят.

– Кофе сразу занести или потом позовете?

– Давай сразу, чего два раза бегать.

Адъютант вышел, а вместо него, нагибая лобастую голову, в кабинет протиснулся секунд-майор Крапивин. Зам по воспитательной работе был настолько огромным и мощным, что даже Мирскому иной раз чудилось, будто он носит мундир поверх боевого скафандра.

– Здравия желаю...

– Заходи, Антон, присаживайся. Завтракал?

– Как положено... – Крапивин подошел ближе и пожал протянутую руку. – Но, если предвидится кофе, то пара-тройка бутербродов лишней не станет. Чувствую, засядем надолго. Случилось что-то?

– А просто войны тебе мало?.. – пожал плечами Мирский. – Необходимо обострение?

– Хватит, – секунд-майор, как все тяжеловесы, машинально проверил рукой стул на прочность и только после этого уселся и указал взглядом на лежащий листок и вскрытый конверт. – Просто я в курсе прибытия фельдъегеря от великого князя. На КПП доложили...

– Читай... – Мирский пододвинул письмо главкома. – Меньше объяснять придется.

– Утро доброе, господа. Кофе заказывали?

Все еще молодцеватый, но уже начинающий тучнеть, первый заместитель Мирского, как заправский кельнер, заложил левую руку за спину, а удерживал поднос с кофейником

и тремя чашками на пальцах правой. Трюк мог бы показаться сложным, если не знать, что подполковник легко сплюсчивает ими автоматную гильзу.

В Даль-разведке Штурм командовал вторым звеном в группе Мирского, и тот переманил его к себе, как только получил новое назначение.

– И не надоедает тебе паясничать, Тенгиз?

Подполковник сделал испуганное лицо и продемонстрировал пантомиму под названием: «Кельнер героическим усилием ловит падающий поднос». Причем проделал это так искусно, что Капустин непроизвольно дернулся в сторону от «падающих» на него чашек.

– Шут гороховый...

– Виноват, ваше высокоблагородие! Больше не повторится!.. – дурашливо повинился Штурм, ставя поднос на стол, и продолжил уже серьезнее: – Господа офицеры, что гласит девиз «поисковиков»? Пока мы живы, нет неразрешимых проблем! А у вас вид, словно узрели призрак отца Гамлета, размахивающий бластером.

– Читай сам...

Тенгиз Вадимович быстро пробежал взглядом текст и пожал плечами.

– Давно пора... И я тебе, Женя, не раз об этом говорил. Не военное училище, а институт благородных девиц. Из двадцати восьми часов в сутках на учебный процесс отведено девять, максимум – двенадцать. Остальные – личное время

и самоподготовка. Вот и посчитайте, какой реальный запас для уплотнения графика. Даже если оставить на сон полноценных восемь часов. Ужимается вдвое на «раз-два». И с поэтапным тестированием тоже разумно придумано... Великий князь не зря пыль веков в архивах глотал... Взять хотя бы этот год. Сколько курсантов отчислили за неуспеваемость? Трех с первого курса. Одного со второго. И двоих с третьего...

– Пастернака и Мамедова по другой причине, – напомнил секунд-майор.

– Неважно. Я о том, что они сейчас на гражданке, а если бы это распоряжение уже имело силу – Космофлот получил бы трех сержантов, мичмана и двух младших лейтенантов. И наши с вами усилия не пропали бы зря. Да и средства державные... Как ни крути, а чему-то мы этих гавриков все же обучили.

По поводу третьекурсников Мирский и сам ходатайствовал перед начальником отдела кадров Космофлота, но понимания не нашел. Генерал-инспектор сразу спросил: «Если ребята перспективные – почему исключаете? А не нужны самому – какой смысл с ними нянчиться другим?» Объяснять настоящую причину Мирский не стал. По Уставу парням трибунал светил. Хотя в той истории все было далеко не так просто, как могло казаться.

– Согласен... Кстати, пометь себе. С них и начнем. Найти парней и переаттестовать... – полковник налил себе кофе,

жестом показывая, чтоб и замы не стеснялись. – Меня больше всего расширение набора беспокоит. Набрать и организовать подготовку двенадцати учебных взводов вместо трех нынешних – это немножко сложнее, чем гонять курсантов от рассвета до заката. Начиная от помещений и заканчивая кадрами. Если график занятий вырастет вдвое, а количество слушателей еще в четыре раза, то где нам взять столько преподавателей и воспитателей? Это ж сколько надо дополнительных ставок выбивать?

– Не согласен... – помотал головой Тенгиз. – Во-первых, если будет не четыре курса, а два – значит уплотненный график можно не учитывать. Нагрузка на преподавателей остается прежняя. И насчет воспитателей есть одна мыслишка. Можно использовать опыт многодетных семей.

– В смысле, чтобы старшие присматривали за младшими? – заинтересованно поднял голову Крапивин. – Гм... Оригинально... но почему бы и нет? Заодно выпускники будут сразу обучаться командовать. На отделение их не поставишь, а если разбить на звенья... пятерки, – то вполне. Тогда нам понадобится еще всего лишь три ротных командира. Впрочем, если каждый зам возьмет себе по одной... И начальник тоже тряхнет стариной...

– Не зря говорят, что один ум хорошо, а два сапога – пара... – рассмеялся Мирский и вынул из стола початую бутылку «Мартея». – Думаю, по паре капель не помешает. Идея озвучена, осталось отшлифовать и можно хоть завтра докла-

дывать. Великий князь дал мне три дня, но от досрочного решения проблемы возражать не будет. Здоровье императора!

* * *

Аккуратный стук в дверь прозвучал сразу после того, как стопки вернулись на стол. Как будто адъютант все время подсматривал за происходящим в кабинете начальника сквозь замочную скважину. Во всяком случае, именно эта мысль мелькнула первой в голове Мирского. Вторая дополняла первую. Запомнить и на ближайшем рауте спросить у Даниила о происхождении этой идиомы. Великому князю такой вопрос, как историку, понравится. Ведь, на самом деле, в щель для отпираания замка личным жетоном или универсальной картой техничных служб, которая даже не сквозная, подглядывать невозможно. Да и незачем.

На рабочем мониторе адъютанта служебный кабинет начальника училища как на ладони. Все видеть и слышать — его прямая обязанность. И секретность не в затыкании «замочных скважин», а в том, чтоб не болтать лишнего и кадры подбирать правильно...

— Войдите.

— Господин полковник, разрешите побеспокоить?

— Уже. Говори, Денис Андреич, что там у тебя за срочность такая, что ты на совещание врываешься?

– На ваш личный почтовый ящик файл упал. Гриф три «Сосны»².

– Вот как. Что-то мне сегодня везет на важные послания. Вскрыл? Перекинь на мой терминал. На вирусы проверил?

– Потому и решил вас потревожить, Евгений Константинович, что файл закрыт паролем. Очевидно, корреспондент вам известен. Как и кодовое слово.

– И кто же отправитель?

– Не могу знать, ваше превосходительство. Обратный адрес отсутствует.

– Это как? – Мирский удивился вполне искренне. – А разве такое возможно?

Адъютант пожал плечами, а вместо него ответил секунд-майор Крапивин:

– Только в одном-единственном случае. Когда импульс отправлен с борта звездолета и синхронизирован с гиперскачком. Тогда отправитель как бы исчезает из нашего временно-пространственного континуума и перестает существовать для системы связи.

– И к чему эти прописные истины, известные каждому школьнику? Ведь после выхода из подпространства звездолет снова материализуется и автоматически включается поисковой системой в общий каталог. Да, ему присвоят новый ай-пи адрес, но и только.

– Ты сам ответил на свой вопрос, – Крапивин, решив, что

² «Срочно. Совершенно секретно. В собственные руки» (сленг).

такого объяснения достаточно, потянулся к чашке с кофе, и полулитровая посуда буквально исчезла в его лапе, словно секунд-майор показывал фокусы.

– Что? – Мирский еще раз молниеносно прокрутил в голове последние слова и уставился на заместителя. – То есть, Антон, ты хочешь сказать, что мне пришло письмо от члена экипажа звездолета, который не вышел из гиперпрыжка? Фактически – послание с того света?

– Фигурально выражаясь, – кивнул тот. – Прочитаешь, увидишь: прав я или нет.

– Тоже верно. А то гадаем, как бабки на кофейной гуще... – насупил брови Мирский, как обычно, когда бывал не в духе. – Перекинь файл на автономный лэптоп и неси сюда.

– Разумно, – похвалил предосторожность боевого товарища Штурм. – Враг не спит и даже не дремлет. Мало ли какой вирус там запрятан. Кстати, не помешает терминал секретаря тоже, на всякий случай отключить от общей сети.

– Только без паранойи, – отмахнулся полковник. – Этот файл уже как минимум пяток почтовых серверов проскочил. И что, везде защита отключена?

Потом повернулся к портрету и тайком показал государю императору кулак.

«Ну, спасибо. Подсуропил...»

Откуда адъютант выкопал эту допотопную машину, можно было только догадываться. Скорее всего, ограбил музей училища. Весило это ископаемое чудовище не меньше двух

килограммов и места на столе занимало столько, что пришлось сдвинуть в сторону подарочный курительный набор. А еще – патриарх компьютерной техники не имел голографического экрана, и всем присутствующим пришлось сгрудиться по одну сторону, чтобы видеть монитор.

На девственно черном экране имелся один-единственный ярлык – «почтовый голубь». Без названия.

Мирский ткнул в него пальцем, и под ярлыком высветился прямоугольник с мерцающим курсором и надпись: «Введите пароль».

– Шикарно, – пробормотал полковник. – То есть подразумевается, что я – получив неизвестное послание от неведомого адресата – обязан знать, на какой кодовый замок оно закрыто?

Ответ был настолько очевиден, что все промолчали.

– Надеюсь – это копия?

– Никак нет, Евгений Константинович. Файл не поддается копированию. Пришлось перенести целиком.

– Еще лучше... Значит, после нескольких неудачных попыток он ликвидируется, а я даже не представляю, с какого боку к нему подступиться.

– Знаешь, Женя... Наверняка знаешь, – подал голос подполковник Штурм. – Просто не прокачал еще ситуацию полностью. А ларчик, я думаю, просто открывается.

– Поясни...

– Не о пароле думать надо, а отправителя высчитать. Ска-

жи, командир, как много людей знает твой личный почтовый адрес? Я, к примеру, хоть мы уже черт знает сколько лет вместе, пользуюсь служебной. Качественно, бесплатно и лучшая защита от вирусов.

Мирский присел на стул и забарабанил пальцами по столешнице.

– Гм, а ведь ты прав, Тенгиз.

– Я знаю, бичо. А теперь из числа тех немногих выбери, кто сейчас может быть в Космосе.

Офицеры дружно хмыкнули и многозначительно переглянулись.

– Ион...

– Таки да, – подтвердил Штурм. – Осталось понять, что фон Виден считает для вас настолько ярким, что невозможно забыть?..

Тенгиз еще не закончил фразу, когда начал ухмыляться. Крапивин, не служивший с Мирским, выжидающе посмотрел на полковника, который, в отличие от зама, поморщился, словно у него зуб заныл.

– Песня... – проворчал полковник. – Та, которой он изводил нас все три месяца дежурства на Шальной.

– Угу, – кивнул Тенгиз и не столько пропел, сколько произнес речитативом: – И снится нам не рокот космодрома. Не эта ледяная синева... А снится нам трава, трава у дома. Зеленая, зеленая трава.

– Я тебя умоляю, – еще сильнее скривился Мирский. –

Не надо цитировать. Лучше скажи, что из текста в пароль вводить. Не всю же песню целиком...

– Никак нет, – вмешался адъютант. – Предположительно пятнадцать символов.

– Спасибо, Денис Андреевич... Тенгиз, не помнишь название песни? Если мне не изменяет память. Это ВИА «Земляне». Композиция «Трава у дома». Классика конца двадцатого века.

– Да хоть девятнадцатого...

– Тогда в Космос еще не летали, – хмыкнул здоровяк Крапивин.

– Блин, все умные... – проворчал Мирский. – Один я...

– Короля делает свита, – многозначительно изрек Штурм.

– Скажи мне, какой у тебя зам, и я скажу...

– Заткнитесь, пожалуйста, господа офицеры. – Мирский выставил перед собой руки с растопыренными пальцами и стал демонстративно загибать их по одному.

– Тсс... – подтолкнул секунд-майора Штурм. – Начальство думу думает.

– Не, мало... – забраковал один вариант полковник и начал загибать пальцы снова.

Так продолжалось несколько минут. Глядя на командира, и остальные стали что-то бормотать себе под нос и тоже зашевелили пальцами.

– О! – изрек Мирский. Сел и быстро набрал «Ледяная*синева!»

«Пароль неверный, – высветилось в окошке. – Предупреждение! До самоуничтожения файла у вас осталось пять минут и две попытки!»

– Черт! Надеюсь, Ион, тебе сейчас громко икается... Потому что у меня больше нет вариантов.

– Слышь, командир... – хлопнул себя по лбу Тенгиз. – А ты не забыл, что у фон Видена была... тьфу три раза... есть глупая привычка писать слова через два пробела?

– Забыл, – повинился Мирский. Выдохнул и снова набрал «Ледяная**синева».

Лэптоп издал мелодичный звон, и конверт открылся, демонстрируя содержимое. Видеофайл. Опять без надписи. И какой-либо сопроводительной записки.

– Смотрим? – оглянулся на замов Мирский.

– Вообще-то послание личное, – напомнил адъютант.

– Здесь нет никого, кому бы я доверял меньше, чем Иону, – отмахнулся полковник. – Впрочем, если кто-то опасается стать посвященным в некую опасную тайну – дверь слева. Без обид...

Как и следовало ожидать, никто не сдвинулся с места. А секундой позже Мирский дважды ткнул указательным пальцем в значок файла.

На экране появилось изображение, предположительно кают-компании. Слегка подрагивающая камера держала в объективе двоих молодых мужчин, примерно двадцати пяти – двадцати восьми лет. Приятной, даже киношной наружно-

сти блондина и совершенно заурядного, коих тысячи, шатена. Мужчины о чем-то оживленно беседовали (звук не транслировался), периодически поглядывая в камеру. Судя по жестике блондина и насмешливому выражению на лице шатена – тема разговора не носила ни секретного, ни служебного содержания.

Примерно на третьей минуте записи позади них открылась дверь и в помещение вошла юная девушка. Вполне милостивая, если б не раскрашенные во все цвета радуги волосы. При этом их красили не локонами, а – каждую волосинку по отдельности, таким калейдоскопом они переливались при каждом движении головы. Девушка спросила что-то, получила в ответ два энергичных кивка и вышла... Чтобы вернуться буквально через минуту.

На этот раз в ее руках была какая-то странная посуда, отдаленно напоминающая самовар. Причем не столько формой, сколько материалом изготовления. Посуда буквально сверкала надрезанными до зеркальности латунными боками. И в тот момент, когда ее поставили на стол перед мужчинами, камера зафиксировала отражение того, что находилось позади ее объектива. Искаженное, словно в аттракционе кривых зеркал, но вполне узнаваемое лицо Иона фон Видена. Всего лишь на мгновение. Потом в объективе возникла приближающаяся ладонь, темнота и... файл закончился.

– Кто-нибудь хоть что-то понял? – оглянулся на подчиненных Мирский.

– Мне показалось, что в «самоваре» был Ион, – неуверенно произнес Тенгиз.

– Был... – подтвердил полковник. – А еще?

Офицеры молчали.

– Евгений Константинович... – в голосе адъютанта звучало недоумение. – Извините, а что за форма была на парнях? Я вроде все типы знаю. А тут какое-то сплошное недоразумение. И в расцветке, и в эмблемах. Кино, что ли, снимают? Можно еще раз взглянуть?

Вместо ответа Мирский указал на монитор, где мультипликация показывала догорающий ярлык почтового извещения. Файл самоуничтожался.

Глава третья

В полицейском участке было чинно и тихо, как в поле сразу после страды, когда техника уже ушла, а разная живность – от кузнечиков, лягушек и до перепелок, зайцев, на свои уголья еще не вернулась. Может, благодаря хорошей звукоизоляции, а может – потому что Тихон с девушкой оказались сегодня единственными, кто посетил сие учреждение. Чем несказанно удивили даже дежурного.

Старший полицейский, с пышными кавалерийскими усами, протер заспанные глаза, оправил китель и уставился на них с таким удивлением, словно это были первые люди, коих ему довелось повидать за последние несколько лет, находясь на этой должности.

– Здравия желаю, господа. С чем пожаловали? Что-то случилось? Ребенок потерялся, что ли? Что же вы, господа, так невнимательны. Детям надо больше внимания уделять.

Трудно понять, почему старший полицейский пришел именно к такому выводу, учитывая предельно юный возраст предполагаемых родителей, особенно девушки, но именно она, украдкой бросив быстрый взгляд на Тихона, залилась румянцем. Словно ее в самом деле уличили в чем-то неприглядном.

И только после этого дежурный заметил своего коллегу по службе.

– А, так господа с тобой?.. На месте не мог разобраться, что ли?

– Какие дети, Валерьяныч... – отмахнулся полицейский. – Тут это... грабеж оформлять надо. Господин фон Виден задержан мною с вещественным доказательством в руках. А барышня – будет хозяйкой похищенной сумочки. Так что, старшой, открывай «аквариум» и вызывай дознавателя...

– Шутишь, что ли?

– Какие уж шутки. Сам спроси.

– Барышня, – старший полицейский встал из-за стола, как бы демонстрируя официальность вопроса. – Вы подтверждаете факт хищения личных вещей?

– Да, но это же не...

– Спасибо... – усатый построжел лицом и нажал какую-то кнопку на своем столе. – Пока достаточно. Я все равно не имею полномочий заводить дело. Все расскажете дознавателю. А если торопитесь, то можете сесть вон к тому терминалу и изложить суть дела в письменном виде. Только имейте в виду, написанное вами автоматически сохраняется на сервере полицейского управления, и любые изменения в тексте придется объяснять дополнительно.

– Валерьяныч, я на пост... И так почти на полчаса отлучился. А рапорт на сервер скину.

– Добро. Понадобись их благородию, вызову.

Произнеся все это казенным тоном, усатый нажал вторую кнопку, отпирая электронный запор на двери из брониро-

ванного оргстекла, ведущей в комнату предварительного содержания. Таковую же прозрачную, почему и прозывалась «аквариумом». В камере имелась откидная пластиковая скамья и терминал доставки термополии³.

– Вам туда, господин фон Виден.

– Но позвольте, – Тихону никогда прежде не доводилось иметь дел с полицией, и он понятия не имел, что и когда надо говорить. И может быть именно сейчас стоило промолчать, но, похоже, от этого ситуация только усложнялась. – Вы что, даже не собираетесь меня выслушать?

– Почему не собираемся? – удивился старший полицейский. – У нас тут не анархия... Законность соблюдаем. Вас обязательно выслушают. Тот, кому это положено по должности. И в предусмотренные законом сроки.

– Но это же произвол! В конце концов, я гражданин Империи и имею определенные права... Или вы думаете – раз из провинции, то можно не церемониться?..

– Молодой человек, – усатый снова устало потер глазницы. – Помилуйте. Я же не обвиняю вас ни в чем. Заметьте, даже личного досмотра не провожу. Просто принимать какие-либо решения не входит в мою компетенцию. Вот вы захотите изложить свою версию событий, скажем... – полицейский окинул взглядом помещение и указал на фикус в кадке. – Вон тому растению?

– Зачем?

³. Историческое название фастфуда в Древнем Риме.

– Правильно, незачем. Толку ноль. Как и в моем случае. Идите в комнату ожидания и не волнуйтесь. Дознаватель, Ганс Карлович Блюменштейн, человек опытный. Награжден медалью «За безупречную службу» второй степени. А для этого, между прочим, надо иметь пятнадцать лет выслуги. Разберется. Поверьте на слово, он еще никого зря в суд не отправил...

Усатый аккуратно взял Тихона под руку, провел в «аквариум» и закрыл за ним дверь. Потом подошел к девушке. Немного постоял у нее за спиной, глядя в монитор, и кашлянул в кулак, привлекая внимание.

– Прощения просим... Вы, барышня, тоже будете ждать господина дознавателя? Или, может, я приму у вас заявление, составим протокол, опишу имущества и отправляйтесь по своим делам. Чего зря время терять? Тем более в такой день... Копию обвинительного постановления мы вам перешлем. А если, паче чаяния, все же дело до суда дойдет – получите извещение. Сами понимаете, праздник нынче. Их благородие наверняка на пикнике и вряд ли станет сильно торопиться. До двадцати четырех прибудет – это непременно. Обязан в течение суток заявление рассмотреть, а раньше – сомнительно.

– Эй, вы о чем? – воскликнул Тихон. События явно выходили за рамки разумного и стремительно ухудшались. – Какой еще суд? С ума сошли тут все, что ли? Я же ничего не сделал. Только помочь хотел...

– Как вы сказали? – девушка в словах дежурного полицейского уловила другое. – В течение суток? То есть вы спокойно сообщаете, что намерены держать в «аквариуме» совершенно невиновного человека, пока господин дознаватель, в честь праздника, ловит рыбку или кушает шашлык?

– Имеем право... На семьдесят два часа, до выяснения... – пожал плечами усатый, поглядывая на планшет. – Тем более господин фон Виден не имеет регистрации. Что уже является прямым нарушением Указа номер...

– Я же только что при...

– Не спорю, – зевнул усатый. – Простите великодушно. Сутки на дежурстве... Повторяю еще раз, я охотно верю, что молодой человек ни в чем не виноват. Но есть рапорт полицейского, производившего задержание. Он уже зарегистрирован, и его надо либо отклонить за отсутствием состава преступления, либо оформить должным образом. Что, согласно действующему законодательству, имеет право сделать только дознаватель. Я, со своей стороны, готов пойти вам на всяческие уступки и даже некоторое попустительство – но только в пределах правового поля... К примеру, барышня, если хотите, можете вместе с молодым человеком посидеть. Я не возражаю.

– Что?.. Посидеть?! – в голосе девушки зазвенели уже знакомые Тихону нотки. Похоже, она тоже впервые оказалась в подобной ситуации и несколько растерялась, но последнее предложение стража порядка настолько ее возмутило, что

девушка очнулась. – Ну, вы меня не знаете, но вы меня узнаете! Я вас научу Родину любить...

Последние слова явно были цитатой из чужого текста, в чем Тихон убедился буквально через несколько секунд.

Девушка нажала на персональном браслете несколько кнопок мобильной связи и громко произнесла:

– Папочка, мне срочно нужно с тобой поговорить.

Выслушала ответ и кивнула.

– Хорошо. Я подожду. Только побыстрее, пожалуйста. Это очень важно и очень срочно.

Отключила связь и торжествующе посмотрела на усатого.

– Будет вам, господа полицейские, и праздник и похмелье... Папа на совещании и очень сердит... Даже на меня голос повысил. Так что не видать господину дознавателю медали первой степени как своих ушей. Уж поверьте. Да и всему вашему околотку мало не покажется...

* * *

Веселенький рингтон не вписывался в имидж грозного начальника, но у дочерей и отцов иные взаимоотношения. И первые запросто выют веревки из тех, кто на службе является богом, царем и воинским командиром для подчиненных.

– Да, папочка... – прощebetала девушка голосом обиженного ребенка, победоносно посматривая на дежурного. – Откуда я звоню? Ни за что не догадаешься. Хорошо, хорошо,

ты только не волнуйся, ладно? А лучше – присядь... Из полицейского участка! Вот откуда.

Последовала весьма продолжительная пауза, видимо, отец усваивал известие, потом задал уточняющий вопрос.

– Нет, я цела. Ничего страшного... Просто меня пытались обокрасть в космопорту Ливадии...

Выслушала очередной вопрос и топнула ножкой. Видимо, то, что сказал отец, не совпадало с ее планами.

– Нет, тебе никуда телепортироваться не надо. Со мной все в порядке. Помощь нужна не мне, а парню, который защитил меня, вернул вещи и пытался задержать вора. Это можно решить и по телефону.

Опять пауза...

– Папуля, я тебя умоляю, помолчи минутку и послушай...

Девушка чуть понизила голос и неожиданно толково и лаконично передала суть происшествия. Вплоть до момента водворения Тихона в «аквариум». И, похоже, таки убедила.

– Да, папочка. Сейчас, папочка... Включаю объемную связь...

Она поколдовала над браслетом, потом сняла его с запястья и положила перед полицейским.

– Готово, папочка. Подключайся.

Воздух рядом со столом завибрировал, подстраиваясь под программу, и в комнате возникло голографическое изображение статного мужчины в парадной форме полковника Космофлота.

Первым делом он внимательно осмотрел дочь, на предмет возможных внешних повреждений, видимо имелись прецеденты. Потом – на вскочившего и вытянувшегося полицейского.

– Вы старший?

– Так точно, господин полковник...

– Императорской гвардии полковник.

– Виноват, ваше превосходительство, – еще больше вытянулся тот, поняв, что имеет дело с начальством куда более высокого уровня, чем он предполагал. Ибо обычный полковник птица хоть и высокого полета, а все-таки всего лишь высокородие, тогда как гвардейский полковник это уже чин IV класса. В Табели о рангах равный действительному статскому советнику. А для полиции – обер-полицмейстера! На Ливадии под такое высокое звание даже должности не найдется.

– Ну, и что тут у вас за белиберда творится, милейший?

– Не могу знать, ваше превосходительство.

– То есть как? – удивился тот. – Дочь мне целую детективную историю поведала, а вы – слуга государев, ничего об этом не можете сказать?

– Так точно, ваше превосходительство, – старательно пуча глаза, отрапортовал дежурный. – Ничего больше добавить не могу. Задержанный доставлен в участок, надлежащим образом оформлен и ждет дознавателя. Остальное не входит в мои служебные обязанности.

– Ах, вот в чем дело... – хмыкнул мужчина. – Это меняет

дело. Ну-ка, братец, назови свой серийный номер.

– Не имею...

– Отставить. Личный допуск три семерки. Код «Стражники небес». Разрешаю произнести затребованную информацию вслух.

Полицейский молчал несколько секунд, после чего кивнул и четко изрек:

– Андроид класса СП, серийный номер 806550013. Тип – «Валерьяныч».

– А из людей сегодня на участке хоть кто-то есть?

– Никак нет, господин Императорской гвардии полковник. Праздник... Все отдыхают. Имеется соответствующее разрешение генерал-полицмейстера. Артикул...

– Понятно. Вольно. – Мужчина посмотрел на дочь и развел руками. – Ничего не попишешь, Белоснежка... – Девушка неодобрительно поморщилась, видимо, не слишком любила это прозвище, но промолчала. – Андроиды не умеют делать выводов, а только исполнять инструкции. Компьютер все же не человек. А серия роботов для полиции оснащена кибермозгами не самой большой мощности... Не повезло твоему спасителю. Единственное, что в моих силах – связаться с дознавателем и попросить рассмотреть дело безотлагательно. Но это только, если он где-то неподалеку от ТФ-перехода отдыхает. Кстати, как звать твоего героя?

Полковник повернулся в сторону «аквариума» и удивленно присвистнул:

– Тихон? Вот это сюрприз... Похоже, находить или создавать проблемы на ровном месте – это у вас семейное. Ион тоже вечно в разные приключения умудрялся вляпываться. Отчего и перевелся в Спас-отряд. Чтобы поближе к ним быть... Кстати, как отец поживает? Он мне звонил как-то, но я был вне зоны связи, а потом он пропал. В патруль ушел, видимо. А из разговора с твоей мамой я понял только, что у него опять какие-то неприятности, да? Написал пару раз, но он так и не ответил. Я и не настаивал. Ион взрослый мальчик и всегда терпеть ненавидел, когда другие пытались ему нос вытирать.

– Отец... умер... – глухо произнес Тихон.

– Как умер?... – растерянно переспросил полковник. – Что за ерунда? Я же смотрел его файл буквально... – он замолчал на полуслове. – Черт... Что же вы сразу мне?.. Ты поэтому и прилетел, да?.. Поступать в училище, значит... Хорошо. Понятно. Хотя, конечно же, ни черта не понятно. Ладно, все потом... Господин старший полицейский.

– Слушаю, ваше превосходительство.

– Задержанный Тихон фон Виден курсант Высшего Императорского училища звездного десанта, а я – полковник Мирский, начальник этого училища. Скажите, могу я забрать у вас своего курсанта под личную ответственность?

Андроид почти не задумывался. Вернее, он молчал ровно столько, сколько его электронному мозгу понадобилось для поиска соответствующего файла.

– Военнослужащие, в том числе курсанты, проходят по другому ведомству. И с их правонарушениями разбирается военная полиция.

Еще одна короткая пауза.

– Да, ваше превосходительство. Данная ситуация предусмотрена. Отправляйте электронной почтой официальный запрос на адрес нашего участка, с копией приказа о зачислении фон Видена, и забирайте курсанта. Но, поскольку наш разговор записывается и ваша личность уже идентифицирована – я могу отпустить задержанного прямо сейчас... Заодно отменив вызов дознавателю.

– Благодарю за службу.

– Рад стараться, ваше превосходительство... – усатый андроид нажал на кнопку. И двери в «аквариум» открылись. – Задержанный, с вещами на выход. Подойдите ко мне. Подпишите в протоколе, что с вами обращались гуманно, и вы не имеете претензий.

– Что? – девушка возмущенно всплеснула ладонями и схватила Тихона за рукав. – Не подписывай! Ни за что не подписывай! А вы... – тут она вспомнила, что перед ней робот. – Мы имеем претензии! Еще какие претензии. Целый час невинного человека продержали под арестом и даже не извинились!

– Отказ от подписания является нарушением протокола... Без подписи на нем я не имею права... – монотонно забубнил полицейский. – Предыдущее решение аннулируется. Задер-

жанный, вернитесь в комнату предварительного...

– Отставить! – рявкнул Мирский. – Тихон! Быстро прижми палец к сканеру и выметайтесь оттуда! Немедленно! Оба! Это приказ! Цирка с меня на сегодня хватит. А с тобой, Анна... – голограмма развернулась к дочери и тут же сменила интонацию. – В общем, дома поговорим. Жду вас у себя в кабинете, – полковник взглянул на часы, находящиеся где-то вне поля зрения, – не позже чем через три... – он насупил брови и поправился: – Сорок семь минут. О шаттле забудьте. Оплатишь ТФ-переход. Мое время и нервы дороже.

– Как скажешь, папуля... Целую. Ты самый лучший! – Аня ловко щелкнула по браслету ногтем указательного пальца, и голограмма исчезла.

Тихон тем временем тоже закончил с бюрократическими процедурами. Машинально кивнул опять начавшему зевать «Валерьянычу», одной рукой подхватил свой саквояж, второй – взял девушку под руку и торопливо потащил ее прочь из участка. Вибалмошное создание вполне могло отчебучить еще что-нибудь эдакое, выходящее за рамки инструкций андроида, тем самым существенно затянув процедуру прощания с околотком.

* * *

– Значит, ты и есть та самая Аня Мирская? Чудо-ребенок...

– Оказывается, вы с папой знакомы?

Молодые люди произнесли вопросы одновременно, как только оказались снаружи. Переглянулись и рассмеялись.

– Да... – ответ прозвучал также в унисон, что только увеличило веселье.

– Стоп, стоп... – Аня торопливо подняла руку, видя, что Тихон собирается что-то сказать. – Давай по очереди. И, чур, я первая.

Тихон согласился. Уступать девушкам и старикам учат еще в детском саду. Странный обычай, если вдуматься, но раз уж продержался всю многовековую историю человеческих отношений, значит, некая рациональность в нем имеется.

– Так откуда папа тебя знает? И что значит «та самая», да еще и «чудо-ребенок»?

– Вообще-то это два вопроса, а не один... – хмыкнул парень. – Впрочем, не суть... Отвечаю по порядку. Наши отцы служили вместе в Даль-разведке. Прокладывали трассы для пионеров переселенцев... Пока мой в Спас-отряд не перевелся. «Та самая» – значит, что я о тебе много слышал.

– В каком контексте?

– Например, после очередной моей... шалости, папа жаловался маме: «Ну почему нам не повезло так, как Мирским? Родили бы себе дочь и жили, не тужили. Анечка точно такого бы не учудила. Чудо, а не ребенок!»

– Что?! – девушка застыла с открытым ртом, часто хлопая

ресницами.

«Красивые. Но явно искусственные. Столь длинными и пушистыми они бывают только у жирафов. Наверно, чтобы даже снизу было видно, какие у животного красивые глаза...»

Неизвестно, какие еще сравнения могли прийти в голову аборигену сельскохозяйственного мира, потому как посмотреть было на что и помимо ресниц, если бы девушка не хлопнула себя по лбу.

– Вот дура... Как же я сразу не сообразила. Ну, да... Тихон фон Виден. Забавно... Знаешь, я могу тебя порадовать... Ты тоже из коллекции «чудо-детей». Если верить папуле, который примерно таким же текстом комментировал мои капризы... – и прибавила сердито: – Что же они не махнулись отпрысками «не глядя»? И все сразу стали бы счастливы. И мой отец, и твой... – поняла, что сгоряча ляпнула глупость, и прикусила губу. – Извини.

Желая сменить тему, Тихон преувеличенно бодро спросил в свою очередь.

– А ты куда направлялась? Когда тебя ограбили? Панорамой космопорта полюбоваться?

– Покушать... – засмеялась Аня. – Ты же сам только из звездолета. Знаешь тамошние меню. Канарейка и та похудеет, пока долетит. Кстати, я по-прежнему голодная. За всей этой кутерьмой как-то позабылось, а когда ты спросил – аппетит сразу проснулся. Не возражаешь?

Аня привыкла, что ее желания всегда находят одобрение у окружающих, поэтому потащила Тихона к эскалатору раньше, чем тот ответил.

– Но полковник приказал... – начал было нерешительно парень.

– Успеем. А если даже задержимся на полчаса? Расстреляет он нас, что ли? – тараторила девушка, целеустремленно продвигаясь к бегущим ступенькам. – Не имеет полномочий... Хотя все только и говорят о грядущем вторжении эннэми, военного положения в Империи еще не объявляли. Так что не дрейфь, курсант. К тому же ты со мной. А это надежнее самого мощного защитного поля... – и гордо добавила самый убойный аргумент: – Папа меня любит.

– А ты его?

Вопрос оказался столь неожиданным, что Аня остановилась так резко, будто наткнулась на невидимое препятствие.

– В смысле?.. Конечно люблю... Разве бывает иначе? Это ж папа.

– Не знаю... Я не задумывался над этим... раньше. И только теперь, когда не могу извиниться, стал понимать, сколько раз поступал... по-свински. Или – как ты сейчас... наплеватьски. Будучи уверен, что он меня простит.

– Гм... – девушка насупила бровки. В меру выщипанные, изгибающиеся ровными, плавными дугами. – А ведь ты прав... Я тоже иной раз веду себя... – но тут же делано рассмеелась и взмахнула рукой, будто прогоняла прочь непри-

ятные воспоминания. – Пожалуй, домашний обед вполне компенсирует мои страдания и муки голода. Отец наверняка предупредил маму, что пригласил в гости сына давнего товарища. Значит, подадут нечто невероятно вкусненькое. Помимо обещанного мне, в честь окончания школы, «Воздушного» торта! Вот тогда и разговееюсь.

– Любишь покушать?... – подколот Тихон.

– Фи, сударь... Вы на какой конюшне воспитывались? Разве можно благонравным барышням такие вопросы задавать? – и снова весело рассмеялась. – Люблю... Ну и что? Это где-то заметно?

Девушка провела рукой по осиной талии, подчеркивая точеную фигурку. Короткое летнее платье из воздушной ткани и так не прятало почти ничего из того, что можно демонстрировать, не нарушая законов морали, – а когда Аня нарочно приняла позу манекенщицы, Тихон окончательно убедился, что новая знакомая не просто симпатичная, а очень красивая. И... неожиданно для себя покраснел.

Заметив это, Аня хихикнула и тоже зарделась.

– Да ну тебя... мужлан неотесанный. Деревня... Дай руку, а то потеряешься еще в толпе. Отвечай потом...

Любой другой девице, даже Лере, Тихон не смолчал бы, но Ане грубить не хотелось совершенно. Он покорно дал девушке взять себя за руку, больше обращая внимание на то, как приятно холодят ладонь нежные пальчики. Подумав, что готов идти с нею так куда угодно далеко, а не только к

ближайшему терминалу ТФ-перехода. От неожиданно приятных ощущений, которые вызывало прикосновение, даже упустив из виду, что всего лишь через несколько минут исполнится давняя мечта.

В XXII веке мечта любого фантаста древности перестала быть чем-то необыкновенным. Несколько дорогостоящим – это да. Но ведь и в старину, если судить по фильмам, далеко не все ездили на таксомоторах, предпочитая более дешевый вид транспорта, вроде велорикш или конки. Для пущей экономии даже спускаясь в метро. Несмотря на запредельное количество катастроф и аварий, происходящих в подземных катакомбах. Не говоря уже о жутких монстрах, обитающих в метрополитенах всех стран и континентов. Как-то полистав тематическую подборку из романов и блокбастеров о подземном виде транспорта, Тихон понял, в чем кроется главная причина устремления человека в Космос и изобретение Тайм-фага. Не зря же входы в станции подземки обозначались предупреждающими знаками «М». Что значит – могила...

Слава Вселенной, сейчас все по-другому. Кроме одного – желаешь путешествовать с комфортом, неторопливо и относительно недорого – к твоим услугам межорбитальные шаттлы и внутрисистемные звездолеты. Считаешь, что время дороже стоимости переноса – добро пожаловать в телепорт. Сеть ТФ-порталов доставит любое живое существо и до полтонны грузов в любую точку цивилизованного мира практи-

чески мгновенно. Цена услуги прямо пропорциональна рас-
стоянию... Но все относительно и сравнительно...

– Кстати, а ты чего так рано прилетел? Документы в училище все равно только завтра принимать начнут. Сегодня же по всей Империи выпускной бал! Или у вас свой календарь, и вы уже его отмечали?

– Нет. Тоже сегодня... – Тихон не стал вдаваться в подробности. Потому что, помимо желания быстрее повидать полковника Мирского, пришлось бы упомянуть и о желании сэкономить на перелете. А, как известно, ничто так не тяготит романтику, как финансовые проблемы.

Впрочем, девушка не стала расспрашивать.

– Ничего, это дело поправимое. Я приглашаю тебя к нам. Какая разница, где веселиться? – и без какого либо перехода поинтересовалась: – У тебя девушка есть?

– Нет...

Похоже, Лера и в самом деле осталась в прошлом. Поэтому ответ получился легким, не требующим усилий. И девушка это почувствовала.

– Великолепно... Тогда ничто не мешает тебе быть сегодня моим кавалером.

«Только сегодня?» – на волне невинного трепя хотел спросить Тихон, но в этот миг глаза молодых людей встретились, и парень понял, что вот именно сейчас эта шутка прозвучит пошло.

– Молчание – знак согласия, – резюмировала Аня, маши-

нально поправляя выбившийся локон и делая вид, что ничего не заметила ни во взгляде, ни в заминке. – А первое слово дороже второго... Особенно если второе без компота. Всё. Пришли...

Девушка прижала к сканеру кассы большой палец и набрала несколько цифр на возникшем рядом табло. Зеленая дверь тихо щелкнула и отодвинулась, открывая вход.

– Шагай первым... – Аня чуть посторонилась.

– Но...

– Тихон, я тебя умоляю... Хороший тон не всегда уместен. Помнишь: «Должен ли джентльмен уступать место леди, когда сидит на коленях у другой леди?» Сейчас примерно такой же случай. Папа не поймет, если мне придется за тобой возвращаться. Он не крохобор, но лишние траты не одобряет. Опыт ТФ-переноса у тебя вряд ли имеется, так что будь добр... И это... – девушка оглянулась, после чего доверительным тоном произнесла: – Суеверие, конечно, но говорят, если переносишься впервые – надо запомнить первую мысль после «сборки». Потому что именно она и есть основа личности.

– Я постараюсь... – Тихон улыбнулся и шагнул в будку. Дверь за ним закрылась. Под потолком мелодично звякнул невидимый колокольчик и... дверь открылась. Синяя!

– Ну ни х... себе, – пробормотал парень, выйдя наружу в совершенно незнакомом месте, но явно не на Ливадии. Потому что, вместо яркого и крупного желто-зеленого ша-

рика Эдема, по небу проплывал бледный, как застиранные джинсы, небольшой одуванчик. Отличаясь от облака только правильностью формы. Ну и многоэтажные здания с какой-то причудливой гармонией, хаотично разбросанные вокруг площади, имеющей чечевичнообразную форму, – даже отдаленно не напоминали терминал и причальные лифты Космопорта.

– Посторонись!

От неожиданного вопля Тихон непроизвольно прыгнул вперед и только потом оглянулся.

В дверях будки, широко улыбаясь, стояла Аня.

– А вот и я.

– Орешь чего? – проворчал Тихон. – Так и зайкой стать недолго.

– Шутка юмора... Извини, извини. Не куксись... Согласна, глупо получилось... – девушка не удержалась и опять хихикнула. – Ну, как? Познал суть собственного «я»?

Тихон припомнил первую фразу, произнесенную им на выходе, и покраснел, чем вызвал немедленный хохот Ани.

– Суду все ясно, присяжные могут огласить вердикт.

И не желая еще больше смутить парня, быстро добавила:

– Открою тебе великую тайну, о неофит телепортации...

Ты не одинок в этом мире. Историки утверждают, что эту же мантру, только на латыни, произнес сам Иннокентий IV, последний Папа Римский, когда его просили освятить первый ТФ-переход с Земли на Терру.

Тихон вежливо хохотнул, подумав, что это самое невинное из всех хохм, которые ему доводилось слышать в связи с Тайм-фагом. Наверное, потому что рассказывала ее Аня. В мужских компаниях обычно кто-нибудь бил себя в грудь, что лично видел, как из телепортационной будки выходила обнаженная красотка. Ну, или хотя бы без существенной части гардероба.

Глава четвертая

– Шагай шире и запоминай дорогу... – Аня уверенно цоккала каблучками по мощенному разноцветной плиткой тротуару. – Навигатор, конечно, и до Киева заведет, но, как шутит папа, каждый заблуждается в меру своих возможностей. И лучше делать это самому, чем с помощью гаджетов... ТФ-портал перенес нас на площадь Декарта. Кстати, теперь твоя личность занесена в базу данных сети. Так что, если ты войдешь в подпространственный канал без дополнительных указаний – окажешься здесь. От площади до нашего дома примерно пятнадцать минут ходьбы. Если пешком. А можно завернуть вон за тот салатовый небоскреб и подскочить на траволаторе⁴. Но он идет по бульвару Коперника, и потом все равно придется два квартала пешком топать. Так что смысла нет. Разве что покататься...

– Да мне не привыкать... Можно и пешком, – согласился Тихон. – Это в метрополии все куда-то торопятся. А у нас дома плюс-минус пара часов никого не напрягает...

Он не подавал вида, не желая в глазах девушки выглядеть полной деревенщиной, но все же не мог оставаться равнодушным к архитектурным изыскам столицы. При этом прекрасно понимая, что попал в один из спальных районов, и все это лишь слабый намек на великолепие центральной ча-

⁴ Горизонтальный эскалатор, самодвижущаяся дорожка.

сти. Виденное, конечно же, в новостях или кино, но «вживую» производящее куда более сильное впечатление, чем на экране. Как никогда не поймет горожанин красоту хлебной нивы, если не вдыхал запах колышущего пшеничные стебли ветра и не гладил рукой усаые, наливающиеся зернами колосья.

– Серьезно? – Аня остановилась и недоверчиво посмотрела на парня. – И в школу тоже можно так? Плюс-минус?

– Нет... – рассмеялся Тихон. – Если уж собрался на занятия, то приходить лучше вовремя. Персонально для опоздавшего тему заново объяснять не будут.

– Подожди, подожди... Что значит «если собрался»? Можно и не ходить, что ли?

– А почему нет? Всякое случается. Много работы, нелетная погода. Та же техника не вечная. Пока с сервисом свяжешься, пока они починят пинас или заменят.

Девушка наклонила голову к плечу, пытливо изучая лицо Тихона, усиленно пытаясь понять: это он так отшучивается или говорит правду?

– Очуметь. И как часто у тебя, гм... «случалось»?

– Я считал, что ли? – Тихон пожал плечами. – Может, десять раз за год. Может, больше. В основном весной и осенью, когда посевная или страда и я нужен в операторской. Ну и зимой, естественно. В пургу мы еще летаем, а если выюга закрутит или буран задует – неделю из дома нос не высунешь... Первые поселенцы на весь январь в школе каникулы дела-

ли – вот это было прикольно. А теперь только если грозовой фронт такой, что атмосферные помехи сигнал со спутника блокируют и связи нет. Но это редко... В апреле или октябре бывает. Да и то не каждый год...

– Жуть какая... – вздрогнула девушка, попытавшись представить себе такую грозу, из-за которой ее могли бы не пустить в школу. И тут же вздохнула. – Интересно, наверное...

– Если дома и через армированное стекло, то красиво... Я тебе потом дам ссылку, посмотришь пару видео. Одно я сам снимал. Еще в девятом классе. А если буря в поле застигнет или в горах... Впечатлений – полный комбез. – Парень понял, что слегка увлекся с метафорами. – В смысле... я хотел сказать...

– Я поняла, – Аня показала на слишком большое, но весьма приличное, этажей в четырнадцать, здание в виде перевернутого конуса. Оно медленно вращалось вокруг вертикальной оси. – Это спортивно-развлекательный центр. Тренажеры и симуляторы на любой вкус и уровень тренированности. Защита от макси- до псевдореала. Сегодня у нас выпускной бал по плану, а завтра обязательно сходим. Увидишь, что слова «риск» и «страх» не только в поле растут.

– Это как получится... В том смысле, что я с удовольствием, – поспешно уточнил Тихон. – У нас самое крутое развлечение – тарзанка над водопадом Глухой Тещи. А из тренажеров – лыжи да велосипед. Но, если дядя Женя не пере-

думал, я теперь курсант... А в училище свободного времени не так много.

– Расслабься... курсант, – улыбнулась девушка. – Пока мы друзья, с увольнительными у тебя проблем не будет.

– Эй, эй... – парень придержал Аню за локоток. – Мне очень приятна твоя забота и все такое, но участь «любимчиков» в любом коллективе весьма незавидная. Так что давай без фанатизма, добро?

– Договорились... – улыбнулась девушка. – Ну, вот мы и пришли. Угловой подъезд. Квартира на пятом и шестом этажах. Березку на балконе видишь? Это моя комната. О, а это, кажется, папуля прибыл. Так что мы вовремя.

Рядом с указанным подъездом остановилась юркая «пустельга», и из спортивной двухместной машины вышел полковник Мирский. Правда, уже не в мундире, а переодетый в легкие кремовые летние брюки и свободную, словно купленную навыворот, футболку в вертикальную бело-зеленую полоску. Слева футболку украшал серебряный щит с изображением вставшего на дыбы крупного зверя. Скорее всего, эмблема какого-то столичного спортивного клуба, за который болел отец Ани.

– О как! – он словно удивился, увидев их. – Неужто никуда по пути не завернули? Дочь, я тебя не узнаю. Честно говоря, был уверен, что раньше чем через два часа вы не пожалуете. Да и то...

И не давая той ответить, протянул руку Тихону.

– Здравствуй, Тишка.

А когда парень ответил на рукопожатие, порывисто при-
тянул его к себе и крепко обнял.

– Извини, брат... Служба, такое дело... Да и не любит Ион
этого... Понимаешь?

Прозвучало не слишком внятно, но Тихон догадался...
Дядя Женя извинялся за то, что долго и излишне беспечно
не интересовался судьбой друга, а потому не смог вовремя
узнать и помочь. Но не это главное, – Мирский говорил о
его отце в настоящем времени. И в глаза парню глядел без
сочувствия, а как равному, посвященному в общую тайну.

– Вот и отлично...

Дядя Женя отстранился так же порывисто, подхватил обо-
их под руки и жизнерадостно произнес:

– На сегодня я уже освободился. Так что план действий
предлагаю следующий... Сейчас быстро перекусим, берем
мать и летим на стадион. Ровно через час «Атлетик» играет
с «Пермяками». Билеты я уже заказал.

– Какой еще стадион? – Аня высвободила руку. – Папа,
ты что, забыл? Сегодня же выпускной бал!

– И ничего я не забыл? Мы все успеваем. Матч заканчи-
вается в семнадцать, а торжественная линейка в школе на-
значена на восемнадцать тридцать. У тебя же платье готово?
Готово... Поболеем за наших, потом быстро домой, переоде-
нешься – и в школу. Не волнуйся, дочь. Я все посчитал.

– Одеться за час?.. На бал?! – голос и выражение лица

девушки наглядно демонстрировали, что отец сморозил такую очевидную и невообразимую глупость, что ее даже комментировать не стоит. Хотя, в чем тут нестыковка, Тихон не понял. Полковник Мирский, кажется, тоже. Но спорить не стал.

– Ладно... За столом обсудим. В конце концов, если у вас с матерью другие планы, то мы с Тихоном можем и сами... – Евгений Константинович шагнул на ступеньку, но остановился и повернулся к дочери. – Лифтом поднимемся или джампом?

– Папа, ну ты же знаешь, мама не любит, когда ты как мальчишка прыгаешь по балконам. В твоем возрасте и чинах это несолидно.

– Ну да, ну да... – поморщился Мирский. – Для вас сорок лет – это уже запредельная дряхлость, а пятьдесят – и вовсе ископаемое.

– Ничего подобного... – Аня поторопилась исправить оплошность. – Ты у меня еще о-го-го. Сам же любишь повторять, что вид бегущего полковника в мирное время вызывает смех. А в военное – ужас. Соседи не один раз видели тебя в мундире. Так ты что, рассмешить их хочешь или напугать?

– Научил на свою голову... – проворчал Евгений Константинович и развел руками. – Лифтом так лифтом.

Потом наклонился к Тихону и, заговорщицки понизив голос, прошептал:

– Извини, брат, как-нибудь в другой раз попрыгаем. А во-

обще, мотай на ус – все, что ты говоришь женщине, даже походя или в шутку, раньше или позже будет использовано против тебя. Так что следи за языком. Особенно если вдруг захочется слегка приврать или похвастаться.

От неожиданности и удивления парень сбился с шага, а полковник усмехнулся и подмигнул. Мол, вот как хочешь, так и разумеи. Взрослые любят недомолвки, считая, что слушатель не вполне созрел для серьезного обсуждения «житейской» темы. Отшучиваясь затасканной фразой: «Подрастешь – поймешь». Вот только кому нужна чужая мудрость потом, когда самому придет пора других учить, опираясь на проделанные ошибки и багаж лично приобретенного опыта?

* * *

Старшие офицеры всматривались в лица, пытались понять смысл разговора и на второстепенные мелочи внимания не обращали. А те взяли и стали самыми важными. Хорошо, адъютант обратил внимание на вопиющие несуразности и нарушения в форме одежды.

После этого нюансы принялись вспоминать все. И сочетание цветов не уставное, и шевроны странные, да и вообще весь интерьер... Черт. А все – челнок ушел... Повтора не будет. Сидите, морщите лоб и вспоминайте.

В общем-то так и начали. Все вместе и вслух. Но Мирский анархию пресек сразу. Очень уж кстати дочь позвони-

ла. Прикинув, как ситуацию использовать с наибольшей выгодой, Мирский всучил каждому по планшетке и приказал не покидать кабинет, пока не вспомнят и не запишут все, что увидели и запомнили. Обсуждать и переговариваться друг с другом – категорически запрещается.

Если управятся раньше восемнадцати – вызывать его. Если нет – обсуждение переносится на утро. Тем более, полковник рассчитывал пополнить поступившую информацию какими-то, пока неизвестными сведениями, получив их от сына Иона фон Видена. Так что причина для его отсутствия была весьма уважительная. А уж как он собирался ее использовать – вопрос другой. Да и кто сказал, что допрашивать... нет, беседовать можно только в кабинете? Стадион чем хуже? Даже наоборот... В плане секретности – лучше не придумать. Ор такой, что любую прослушку забьет.

Все это Евгений Константинович прокрутил в голове, пока ожидал лифта и поднимался в квартиру. Дальше – началась вотчина Анастасии Павловны. А в чужой монастырь, как известно, со своим уставом не ходят...

Широко улыбаясь и даже отшучиваясь дежурными фразами, попытка сказать нечто свежее и оригинальное могла окончиться промахом, показав всем, что полковник, вопреки давнему обещанию, «принес работу домой», Мирский аккуратно высвободил Тихона от женской опеки и спровадил в ванную. Ну и сам заодно уединился в соседней кабинке.

«О-хо-хо... Что же ты, дружище, хотел мне сказать своим

посланием? Что я должен понять? А главное, – откуда такая невероятная секретность. Ведь не один год знаем друг друга. Мог же черкнуть пару строк. Мол, вот доказательство чего-то там... После просмотра уничтожь».

– Тихон! Женя! Не задерживайтесь! Мы уже накрываем на стол!

Еще бы... Анечке пока далеко до материнской мудрости, зато Анастасия Павловна давным-давно усвоила непреложную истину общего характера: «Соловья баснями не кормят» и для личного пользования: «Сытый мужчина мягок и податлив, как воск. Голодный – существо непредсказуемое». Так что, даже ничего не поняв из сумбурного рассказа дочери, меры предосторожности приняла. Впрочем, Мирский не сильно удивился бы, узнав, что жена и дочь прекрасно объяснились. Сигнальная система у женщин настолько же совершенна, насколько непонятна особи другого пола. Взгляд, интонация, жест и все – суть изложена. Детали воспоследуют...

Ладно, ему тоже не впервые играть в «С чего ты взяла, дорогая, у меня все в порядке». Главное отрезать куски побольше и дольше жевать. Предоставив возможность отдуваться за обоих Тишке. Кстати, а ведь это неплохая идея. Женщины намного легче и быстрее разговаривают парня, причем запросто могут задеть такие темы, что ни одному дознавателю даже в голову не придут. Решено. Пусть начинают. Никаких секретов Тихон по определению знать не может, так что лишнего не сболтнет. А он послушает и после, на матче уже только

отшлифует.

– Женья!..

Второй звонок. Он же предупредительный. И в единственном числе. Значит, парень уже покинул укрытие, пора и ему. Впрочем, молодые все делают быстро, а целому действительному статскому советнику даже в галюне суета не к... Не к этому самому, которое не лицо. Но третьего оклика лучше не ждать. Чревато... Например, тактичным напоминанием о том, что после зимы полковник брючный ремень опять на крайнюю дырку застегивать стал. А потому вторую отбивную лучше в тарелку не тащить.

Сказано все это будет с милой улыбкой и искренней заботой в голосе, но удовольствие от трапезы убьет напрочь. Лучше и вовсе не обедать.

– Я уже иду, дорогая...

Ионный душ на максимум. Увлажнение и растворение пота. Смена полярности. Удаление лишней влаги и очищение пор. Чистый тренировочный костюм. Неистребимая привычка любого, кто провел в Позаземелье больше года. В невесомости и даже местах с ограниченной тяжестью халаты и прочие разлетайки не приживаются. Единственное послабление возрасту и чину – одежда на размер больше.

Вот теперь можно и к людям.

Тихон демонстрирует хорошее воспитание, без главы дома за стол не садится. Ну так и не потомственный аграрий. Чувствуется военная косточка. Впрочем, объяснение может

быть и другое. Мономолекулярная пленка, не столь давно вытеснившая из строительства плексиглас и прочие версии органического стекла, создает впечатление открытого пространства не хуже силового поля. Только под определенным углом можно заметить легкое мерцание, указывающее на преграду. На парня из провинции вид из окна должен произвести впечатление. Конечно, шестой этаж – не пентхаус. Как ни исхитрялись архитекторы, условия по застройке столицы Империи накладывают свои правила, так что обзор ограничен расстоянием не больше полукилометра, а в поле зрения только здания. Разнообразные, но не живые. Даже сменяющиеся кадры рекламы на фасадах не привносят новизны в пейзаж. Впрочем – это если жить здесь. А первый раз, наверное, интересно. Особенно в сравнении с Земляникой. Где от одного жилого комплекса до другого тысячи километров бездорожья и гектаров сельскохозяйственных угодий.

– Ну что, дамы и господа? – Евгений Константинович потер ладони. – Все в сборе, или ждем еще кого-то?

– Прошу к столу...

Миниатюрная Анастасия Павловна походила на подростка даже больше дочери. Мирский, под добродушное настроение жены, подтрунивал, что у нее не телосложение, а теловычитание. Впрочем, отсутствие веса никоим образом не сказалось на пропорциях. Госпожа Мирская выглядела обворожительно. Просто выступала в наилегчайшем весе. И львиная часть его приходилась на характер. Уж если Ана-

стасия Павловна чего-то по-настоящему хотела или кому-то что-то пообещала... Никакие форс-мажоры не могли препятствовать ей в достижении цели. К счастью для Человечества, госпожа Мирская довольствовалась малым. Для счастья ей вполне хватало семьи и домашнего уюта, который она умела создавать с изяществом и истинным волшебством.

Вот и сейчас на обеденном столе присутствовали любимые блюда всех присутствующих. Без исключения... Что и стало причиной небольшого конфуза. Впрочем, в дальнейшем только удалившего всякую отчужденность.

Шагнув к столу и протянув руку к стулу, парень замер, даже не прикоснувшись к мебели. Несколько секунд глядел застывшим взглядом на угощение, потом развернулся, закрыл лицо руками и бросился прочь из трапезной.

– Тихон, что случилось? – дернулся за ним Евгений Константинович.

– Стоять! – интонации позавидовал бы сам государь император на совещании с министрами. – Чебуреки, значит, он любит?.. Дура! Немедленно убрать.

Мирский совершенно ничего не понял. Какие чебуреки? И почему Анечка дура? Но судя по раскрасневшемуся лицу дочери, готовой вот-вот сбежать в противоположном направлении, какое-то важное, сакральное значение это блюдо имело. Причем явно негативного характера. Жаль, в Дальразведке чебуреки готовили только трижды в год, по самым большим праздникам или под персональный заказ именин-

ника. Да и то если эти даты совпадали с пребыванием на базе. А уж как Ион фон Виден их любил... Дюжину мог умять, не вставая из-за стола. Особенно под холодное светлое пиво.

Ну, ничего. Настя разберется... И десяти минут не пройдет, как мир будет налажен и в доме снова воцарит неприужденность и благодущие. Что не говори, а повезло ему с женой. Может, вернуться к тому старому разговору и снова предложить ей место штатного психолога в училище? Сейчас, когда нагрузки возрастут в разы, помощь и поддержка понадобится не только курсантам. Тогда и жить можно на территории... Видеться будут чаще... Не теряя время на дорогу.

Обдумывая эту весьма толковую и приятную мысль, Евгений Константинович сел за стол и потащил к себе тарелку с супом, игнорируя насупленные брови дочери.

* * *

– Пятнадцатый номер бело-зеленых принимает мяч и выходит один на один с вратарем «Атлетик»! – завопил на весь стадион комментатор, перекрывая гул полумиллионного стадиона.

Впрочем, именно в этот миг одна часть болельщиков вдохнула, хватаясь за сердце, а другая – выдохнула и затаила дыхание. Павел Садырин, этот кошмар любого противника «Пермяков», в который раз подтвердил свою смерто-

носную репутацию. Наглядно продемонстрировав, что даже трое личных «опекунов» не в состоянии сдержать его атакующий порыв. И сейчас только чудо может помешать Паше сделать хет-трик, тем самым окончательно вырвать победу в полуфинальном матче за звание абсолютного чемпиона у сильнейшего клуба Империи.

Двое защитников столичной команды, несмотря на то, что перекрывали все мыслимые спринтерские рекорды, катастрофически не успевали перехватить форварда бело-зеленых. А лучший голкипер Империи по версии журнала «Бутсы и коньки» мысленно готовился вынимать из сетки очередную плюху.

Один финт, второй, дриблинг, еще финт и Садырин пробил. Отличная акустическая система подхватила удар, и над стадионом прокатился звук пушечного выстрела.

– Гол! – застонал комментатор, болеющий, как и большинство жителей столицы, за «Атлетик», и не веря собственным глазам, заверещал, едва не теряя сознание от счастья: – Нет! Штанга! Штанга!

Издав единый полувздых-полувсхлип, половина стадиона рухнула на сиденья, словно из них выпустили воздух, беззвучно шевеля губами. А вторая – издавая похожие звуки, бросилась обнимать соседей, невзирая на пол и возраст. И те мужчины, которым в объятия попались сморщенные старики, были счастливы ничуть не меньше тех, чьи губы нашли в восторженном поцелуе упругие щечки юных дам. На трибу-

нах все равны... А эмоции искренни.

Впрочем, крестовина ворот, спасшая «Атлетик» от унижительного разгрома, судьбу всего матча изменить уже не могла. За десять минут до окончания второго периода блестящий «Атлетик», сборная звезд всей обитаемой Вселенной, со счетом 1:4, впервые за всю историю розыгрыша Суперкубка, проигрывала футбольной команде первой лиги из Перми. Скромного административного центра одной из окраин, о существовании которой раньше знали только географы, статистическое управление и ее население. Зато теперь – ставшей известной каждому жителю Империи.

Идея Мирского расспросить подробно о интересующих его фактах и событиях вне стен дома и подальше от женских ушей, потерпела сокрушительное фиаско. Привычный к столичной жизни полковник не учел эффекта, который она оказывает на провинциала. Особенно, если ему всего семнадцать, а в мегаполис с трехсотмиллионным населением он попал без промежуточных остановок. Прямиком из пасторального мира. То еще испытание для незакаленной психики...

Возможно, градус впечатлений можно было понизить, если б Евгений Константинович сообразил воспользоваться тайм-фагом, но полковник Мирский решил, что парню будет интересно посмотреть столицу, и предложил «пешеходную» прогулку.

Первым шоком для Тихона стал способ, которым друг его

отца вышел из дома. Откуда парню было знать, что это давно практикуется жителями всех высоток и даже поощряется управлением по эксплуатации жилья, поскольку уменьшает износ лифтов и экономит энергию. Ну а жителям – время.

Пообещав жене и дочери нигде не задерживаться после матча, полковник поманил за собой Тихона, а в следующую секунду перепрыгнул через перила балкона и полетел вниз.

Тихон охнул, метнулся вперед, хотя понимал, что не успеет ничего предпринять, и был остановлен смехом Анечки... Тут же схлопотавшей подзатыльник от матери. И только потом увидел, как Евгений Константинович медленно скользит вдоль стены дома вниз.

– Защитное поле... – объяснила Анастасия Павловна. – Черт старый... Ни ума, ни фантазии... – забормотала негромко в личный коммуникатор. – Как тебя на твоей должности держат? Не мог сообразить, что мальчик никогда раньше такого не видел?

Потом взяла Тихона за руку.

– Если хочешь, я проведу тебя к лифту.

– Спасибо... – парень скорее всего согласился бы на предложение Анастасии Павловны, но ведь на него глядела Аня. – Я тоже хочу так. Кто знает, когда еще такой случай представится.

Труднее всего оказалось отпустить перила. Несмотря на заверения разума, что защитное поле подхватит и мягко опустит любой предмет, весящий меньше пятисот килограмм

(больше тоже не уронит, но скорость падения возрастет), – глаза утверждали, что под ним тридцать метров пустоты. Впрочем, они же видели Мирского, уже ждущего Тихона внизу. И парень решился...

Ощущение свободного падения длилось меньше доли секунды. После чего под его ногами словно ковер-самолет расстелили. И уже эта невидимая подставка сама избрала комфортную скорость приземления.

– Извини, дружище... – Мирский с виноватой улыбкой развел руками. Выговор от жены сделал свое. – Совершенно запаматовал. Но ты же не в претензии? Каково ощущение?

– Прикольно... Меня отец водил несколько раз на аттракцион с таким эффектом. Только это давно было. Еще в дошкольном возрасте.

Неуместные воспоминания об отце, а главное – тон, которым они были озвучены, заставили Мирского отложить уже заготовленный первый вопрос. Да и парень снова отвлекся.

Раззявив рот, Тихон смотрел на ярко-васильковый двухместный спортивный пинас, преспокойно проезжающий сквозь огромный ясень, пышной кроной достигающий окна пятого этажа соседнего дома.

– Это как?

– Голограмма, – объяснил Евгений Константинович. – Плотность заселения в столице такова, что без таких вот дизайнерских решений людям пришлось бы постоянно заглядывать друг другу в окна. А уход за живыми деревьями

доставляет слишком много хлопот коммунальным службам. Гораздо дешевле обходится система фильтрации воздуха, с одновременным обогащением кислородом и озонированием. А установка проектора – вообще несопоставима с ценой содержания дерева. Не говоря уже о смене ландшафта, производимой за пару секунд, нажатием нескольких кнопок на сервере, вместо тотального выкорчевывания тысяч старых насаждений и высаживания на их место новых.

– И что? В столице все так ездят, сквозь деревья? – осуждающе спросил Тихон. – А если бы с противоположной стороны люди стояли?

– Нет, конечно, – ответил Мирский, шагнув на самобеглую ленту траволатора. Юный фон Виден – следом. Эскалатором, только горизонтальным, не удивить даже самого замшелого провинциала. – Вон, посмотри...

Тихон взглянул в указанном направлении и увидел стоящий у кромки тротуара пинас, с восседающим на его капоте полицейским дроном.

– Так можно ездить только с отключенным автопилотом. Что категорически запрещено в черте города. Нарушителя ждет крупный штраф, а если окажется, что водитель из состоятельной семьи и деньги для него ничего не значат – лишение прав на полгода. Закон о «соответствии наказания» ввел еще прадед императора. Ну а в случае реальной угрозы жизни сработала бы система защиты. Ими оснащено любое частное транспортное средство, и отключить его невозмож-

но.

– М-да, как у вас тут все... – парень не смог подобрать нужных слов. – Сложновато.

– Да, я знаю, в провинции действует только один закон: ответственность адекватна содеянному. Украл – заплати. Сломал – почини. Убил – умри. Но, видишь ли, Тихон, население столицы в большей части состоит из людей, ммм... в чем-то незаменимых для Империи. И если один из них, например, убьет другого, то по закону «Равенства» государство потеряет сразу двоих... Поэтому в столице разрешено применять избирательную систему наказания. Разумную, но справедливую. А еще – максимально усилена система защиты и предупреждения правонарушений. Это оказалось тоже гораздо дешевле, чем искать замену, ммм... выбывшим из строя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.